

Сергей Арьков

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Кредо холопа

Сергей Арьков

Кредо холопа

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Арьков С. А.

Кредо холопа / С. А. Арьков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Привычная жизнь Гриши оборвалась в тот день, когда тайные организации вовлекли его в свои грязные игры. В поисках древнего артефакта ему придется отправиться в параллельную вселенную и с головой окунуться в Россию, которую мы потеряли. Чтобы добыть искомый предмет и получить щедрую награду, Грише предстоит на собственной шкуре ощутить все прелести крепостного права и досконально изучить каждый пункт холопского кредо. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	32
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

До того, как быть втянутым в тайную войну, сотни лет ведущуюся между секретными обществами опричников и стрельцов, Гриша Грязин вел вполне себе обычный образ жизни. Ни о каких опричниках или стрельцах Гриша никогда не слышал, потому что в школе учительские речи смело пропускал мимо ушей и учебников не читал: знал заранее – все равно аттестуют, никуда не денутся. Из всех стрельцов знал только Колю Скунса (Коля получил свое прозвище за могучий ядерный аромат, источаемый его ногами). Коля никогда не имел своих сигарет, и вечно стрелял их у всех вокруг.

Учился Гриша плохо, но не уровень успеваемости определил его дальнейшую судьбу, а платежеспособность родителей. Денег на оплату ВУЗа и взятки преподавателям у них не было, так что Гриша, отмотав положенный срок в рядах вооруженных сил, вернулся домой и устроился грузчиком.

По правде сказать, Гриша ни о каких карьерных высотах и не мечтал, учиться не хотел, а хотел он, чтобы все мыслимые блага обрушились на него в полном объеме и сразу. Однажды Грише приснилось, что он нашел в лифте ничейный чемодан, полный долларов, и Гриша, не приходя в сознание, испытал самый яркий организм в своей жизни.

У Гриши была подруга Маша, работавшая продавщицей в ларьке на автобусной остановке. Ничего на свете Гриша так не боялся, как того, что подруга может от него забеременеть. Вместе с Гришей работал молодой человек, чей долг по алиментам уже перевалил за сотню тысяч. Львиная доля заработка несознательного отца уходила в пользу потомства, оставшихся крох едва хватало на пиво и сигареты. Наблюдая жуткую участь напарника, Гриша впал в такую паранойю, что последние два месяца любил подругу исключительно в тыл. Страх перед возможными алиментами был столь велик, что даже презерватив уже не внушал никакого доверия.

График работы у Гриши был щадящий – два через два. То есть, два дня он самоотверженно трудился по двенадцать часов, а следующие два дня так же самоотверженно бездельничал. Гриша любил пиво и водку, не пренебрегал смешной травой. Гриша мечтал жениться на дочери богатого бизнесмена (желательно, чтобы сразу после свадьбы папаша богатой дуры склеил ласты), после чего зажить в свое удовольствие. Гриша был даже согласен на то, чтобы богатая невеста оказалась горбатой, хромой, жирной, кривоногой, прыщавой, лысой и вот с таким вот огромным носом. За большие деньги Гриша готов был жениться на ком и на чем угодно, и даже, если бы так повернулось, готов был выйти замуж. Только бы денег отвалили.

Гриша мечтал купить крутую тачку, поставить на нее оглушительно громкую музыку, неоновую подсветку под днище, нарисовать на капоте череп, на правом борту леопарда, на левом голую телку, на заднем бампере написать самое народное слово. А затем посадить в тачку трех блондинок, проехать по городу десять раз и повергнуть всех в пучину черной зависти.

Как-то раз Гриша и Колька Скунс сидели на балконе, и пили пиво. Денек был весенний, солнечный, голубое небо раскинулось от края до края горизонта. Внизу шумел город. По улицам шныряли машины, по тротуарам шли прохожие. Гриша, глядя на них сверху вниз, подумал, что вот было бы хорошо взять и плюнуть кому-нибудь из них на голову, а затем чисто конкретно поржать на эту тему. Затем, развивая мысль, подумал о том, что было бы гораздо прикольнее помочиться на пешеходов, оросить их всех уриной своей золотистой, и уже после этого чисто конкретно поржать.

Колька Скунс одним могучим глотком (Колька был тот еще поглотитель пива, на халяву мог выпить больше собственного веса) добил свою банку, смял ее в кулаке и небрежным движением швырнул вниз, на кого бог пошлет. Гриша с замиранием сердца проследил за траекторией полета снаряда, но смятая банка, к его огромному разочарованию, так ни в кого и не попала. Испытывая расстройство, Гришка подумал, что вот бы было замечательно наполнить

презерватив водой, и сбросить его вниз. Нужно было сбросить вниз хоть что-нибудь, ведь они уже полчаса как не ржали.

– Сейчас бы негритянку, – мечтательно протянул Колька, и поскреб ногтями сокровенное.

Скунс уже давно грезил негритянкой. Была у него такая мечта. В городе имелось несколько точек, где негритянок сдавали в аренду, но у Кольки вечно не было денег. Помимо несбыточной негритянки у Кольки имелась еще одна страсть – игровые автоматы.

В прежние времена, до введения в силу преступного закона о запрете одноруким бандитов, Колька жил, как в раю. Не успевал получить зарплату, как тут же, за пару часов, спускал ее всю, до копейки, и, со спокойной душой, шел домой, к жене и детям. Детей у Кольки было двое, притом оба не его. Дети шли в комплекте с женой. Вместе с женой в комплекте шла и двухкомнатная квартира, так что дело того стоило.

Так вот, в прежние времена все было замечательно, но затем игровые автоматы запретили, и у Кольки осталась одна единственная радость – глубоко законспирированная точка на окраине. Добраться до игрового подполья живым уже было немалым подвигом. По пути туда и по пути обратно Кольку трижды встречали местные интеллектуалы, и вступали с ним в научный диспут. Последний диспут окончился потерей трех зубов, сотрясением мозга и художественной росписью всего лица в цвета национальной сборной. Впрочем, лобовое столкновение с чужими кулаками отнюдь не отщептало Кольку от игромании. Как и в прежние времена, он нес все добытые денежки одноруким бандитам. Колька мог себе это позволить. Жена получала детское пособие на двух отпрысков, а с учетом того, что отпрыски были питаемы китайской лапшой быстрого приготовления, денег на прокорм и пропой самой мамыши и ее очередного папаши вполне хватало.

Гриша, в отличие от друга, не любил игровых автоматов и не хотел негритянку. После визита к жрице любви (всю ночь искал самую дешевую, а после еще минут сорок торговался), у Гриши зверски чесалось кое-где, так что даже пришлось врачевать себя старым дедовским методом. Гриша вспомнил, как однажды дед выводил у кота блох. Кота засунул в полиэтиленовый пакет, оставил только голову снаружи, а в пакет напустил дихлофоса. Блохи на коте сдохли на третий день, кот на второй. Гриша поступил так же – обильно полил травмированную область старым добрым дихлофосом, притом употребил его в таком количестве, что через четверть часа из-под холодильника вышли строем двадцать три зеленых таракана и выбросили белый флаг. С тех пор Гриша категорически зарекся посещать проститутток, какого бы цвета они ни были. Его вполне устраивала Машка. Ей, по крайней мере, не нужно было платить полторы тысячи в час, хватало двух обезжиренных комплиментов и баночки коктейля.

Породив звук, подобный грому небесному, Колька высморкался вниз, на головы прохожим, и хотел что-то сказать, но забыл что.

На работе у Гриши дела шли ни шатко, ни валко. Гриша изо всех сил старался шататься как можно меньше, но повалиться никак не удавалось. Постоянно приходилось таскать какие-то коробки, ящики, упаковки с минеральной водой. Гриша закономерно ненавидел физический труд, считал его уделом позорных лохов. Труд для Гриши был чем-то унижительным и противным. Всякий раз, когда Гришу заставляли работать, он дико злился. Дабы не держать зло в себе, Гриша выплескивал его на тех, по чьей вине ему приходилось напрягаться – на покупателей.

Больше всего Грише нравилось сморкаться в куриные окорока. Те приходили в магазин в больших картонных ящиках, все покрытые льдом, и Гриша, уличив момент, смачно плевал в ящик, а после ставил его в холодильник. Еще Гриша любил пропустить по всем промежностям палку-другую сервелата. Ну а насчет того, чтобы пукнуть на упаковку майонеза, это уже вылилось в добрую традицию, и Гриша, как-то раз, самозабвенно тужась, не рассчитал усилия, и сгоряча забрызгал продуктами жизнедеятельности целый стеллаж.

Вскоре случилась небольшая неприятность. Устав от анального однообразия Гришу бросила Машка. Гриша воспринял известие о разрыве отношений как настоящий мужчина – даже в лице не поменялся. Те же перемены, которые стараниями Гришиных кулаков произошли на Машкином лице, ей еще долго пришлось скрывать большим количеством косметики.

Жизнь неуклонно катилась туда, куда Гриша любил свою бывшую подругу. Таская ящички с зеленым горошком, Гриша думал о том, что рожден не для такого отстоя. Он не понимал, почему вся эта чернуха никак не заканчивается, и не наступает долгожданный хеппи-энд. Почему, всякий раз заходя в родной лифт, он обнаруживает там не кейс с миллионом долларов, а лужу зловонной жидкости известного происхождения? Почему еще не появилась богатая страхолюдина, готовая взять его в щедро оплачиваемые мужья? Почему, на худой конец, у него не обнаружился только что скончавшийся дальний родственник из Лондона, оставивший в наследство бедному родичу из голодной России сто миллионов денег?

Гриша остро чувствовал, что рожден для большего. Он видел себя за рулем крутого спортивного кабриолета, с крутой мобилой и в крутом прикиде, а рядом бежала Машка, и, заливаясь горькими слезами, униженно просила прощения.

– Вот бы уехать куда-нибудь далеко, – как-то сказал он другу Кольке, когда они пили пиво на балконе.

Колька с посвистом и треском пустил ветры зловонные, счастливо улыбнулся, и спросил:

– Куда?

– Да куда-нибудь, – уронив голову, мрачно пробормотал Гриша. – Куда-нибудь, где классно. Где, блин, работать не надо.

Колька подумал, подумал, еще разок прогремел низом, и вдруг вполне разумно высказался.

– Везде надо работать, – произнес он наставительно. – Не будешь работать, не будет денег. Не будет денег, придется....

Тут Колька сунул в рот сосиску, которыми он закусывали, и стал имитировать оральный секс. Глядя на весело ржущего друга, Гриша помрачнел еще больше. Он и сам понимал, что без денег придется сосать, притом совсем не факт, что лапу. Но неужели же во всем мире нет такого места, где можно жить сыто, пьяно, и при этом не ходить на работу?

В общем, Гриша Грязин жил самой обычной скучной жизнью, но вот однажды она самым неожиданным образом прервалась. Случилось это в пятницу вечером. Гриша честно отпахал двенадцатичасовую смену в супермаркете, и домой возвращался затемно, слегка подшофе. Впереди его ждали два выходных, карман отягощала зарплата за прошлый месяц. Богатый и счастливый, Гриша твердо решил в эти же выходные подцепить новую подругу, не такую дуру, как Машка, а нормальную.

На улице уже стемнело, пешеходов было мало. Гриша шел, насвистывая. Хулиганов он не боялся. В кармане у него покоилось травматическое оружие невиданной силы – пакет с дерьмом. В прежние времена Гриша таскал то кастеты, то ножи, но все это оказалось неэффективным. Тогда один умный человек посоветовал ему применить против хулиганов дерьмовое оружие возмездия. И в ходе первых же испытаний новое чудо-оружие доказало свою эффективность. При виде кастета хулиганы только возбуждались, вид ножа вызывал новую вспышку агрессии, но когда они, такие крутые и реальные, вдруг оказались с ног до головы в анализах, гнуть пальцы веером и выяснять, у кого писька длиннее, парням резко расхотелось. Гриша трижды использовал фекальную бомбу, и все три раза успешно. Лишь однажды оружие его подвело, когда пакет с каловой массой раздавили у него в кармане в переполненном людьми автобусе. Дело было летом, в страшную жару, в автобусе было душно, как в преисподней, и когда, лишенная полиэтиленовой оболочки начинка начала интенсивно благоухать, сделалось, мягко говоря, некомфортно. А когда на его шортах вокруг кармана расплылось большое коричневое

пятно, Гриша был вынужден спешно сойти на ближайшей остановке, дабы не пасть жертвой народного самосуда.

Так вот, Гриша шел, шел, весь в предвкушении долгожданных выходных, и вдруг в глазах у него потемнело, а сам он начал падать на тротуар. Подозревая недоброе, Гриша, из последних сил, рванул из кармана гранату, и швырнул ее наугад, уже вслепую. До гаснущего слуха долетел крик, полный непередаваемого омерзения:

– Он в меня каким-то говном кинул! Блин! Настоящим говном! Всю куртку измазал, смотри!

Второй голос резко ответил первому:

– Пойдешь пешком! А этого грузите в тачку.

Гриша успел подумать, что это, вероятно, тщательно спланированное похищение, и его, скорее всего, теперь пустят на органы, а затем сознание его отключилось. Вопреки ожиданиям жертвы – не навсегда.

Глава 2

Когда Гриша вернулся в мир живых, первым, что он увидел, оказалась физиономия какого-то незнакомого мужика. Физиономия была бородатая, лохматая и недружелюбная. Не вникая в подробности, Гриша для себя сразу решил, что этот мужик отныне его враг номер один.

– Он очнулся, – прозвучал рядом незнакомый женский голос.

Гриша медленно повернул голову. По другую сторону стола, на котором он лежал как труп хладный, стояла шикарная девица и тарасилась на него с нездоровым любопытством. Гриша сразу понял, что влюбился. По сравнению с незнакомкой, Машка нервно курила по всем параметрам.

– Григорий Грязин, вы меня слышите? – спросил бородатый мужик, обращаясь явно к нему.

– Он еще не полностью отошел от препарата, – заметила девушка. – Ему нужно время.

– У нас нет времени! – сердито отрезал бородатый. – Если мы не отыщем артефакт до известного срока, произойдет катастрофа. Ты это знаешь не хуже меня, Ярославна. Делай все, что хочешь, но приведи это тело в работоспособное состояние.

– Если мы угробим его, он ничем нам не поможет, – покачала головой Ярославна.

Гриша, хоть и был не семи пядей во лбу, даже не пяти, да и, пожалуй, не трех, все же кое-что сообразил. Девушка, которую звали, как выяснилось, Ярославной, пыталась защитить его, а вот бородатый урод явно желал проделать над ним нечто болезненное. Гриша никому такое не прощал. Бородатый не оказался исключением – его тоже не простил.

– Григорий Грязин, – заговорил бородатый мерзким высокомерным тоном, каким обычно разговаривали с быдлом так называемые хозяева жизни, высовывая свои наглые рыла из окон дорогих иномарок, – мы похитили вас, потому что вы можете оказаться нам полезны. Так уж вышло, что только вы можете выполнить одно весьма важное поручение, и если вы все сделаете правильно и в срок, то получите щедрое вознаграждение. Если же нет....

Бородатый сделал паузу, но договаривать и не требовалось. Гриша, обожавший выпуски криминальных новостей, и сам все понял: его насильно склоняли к бездуховным половым забавам. Бородатый извращенец почти прямым текстом поставил ему ультиматум: или он, Гриша, согласится на роль овечки в зоо-порно-триллере «Забавная ферма», или он все равно будет сниматься в кино, но не по любви, а по принуждению. Гриша всегда знал, что мир кишит извращенцами, но не думал, что однажды сам окажется в их лапах.

– С нами лучше сотрудничать, – намекнул бородатый. – Мы очень влиятельная....

Бородатый погнал колотить понты, но Гришу трудно было запугать гнилым базаром. Он стремительно вскочил на ноги и засветил бородатому кулаком в глаз. Тот закричал и упал на пол. Гриша, ощущая боевой азарт, подбежал к поверженному врагу и пустил в ход ноги.

– Охрана! – выл бородатый.

– С ноги! – восторженно закричал Гриша, и пробил извращенцу пяткой в лоб.

– Прекратите! – воскликнула Ярославна, не пытающаяся, впрочем, лезть в драку.

– Номерок дай. Созвонимся! – предложил Гриша, топчась на бородатом извращенце, как на коврике. – Меня Гриша зовут. Тебя как?

– Ярославна.

– Типа имя красивое. И сиськи ничего. Любишь сосиски в тесте? Давай типа на выходных сгоняем в закусочную «У Арифа». Я угощаю! Сосиски в тесте там классные, и чай всего по червонцу. Крепкий. Ариф больше чем на пять стаканчиков один пакетик не использует. И даже сахар кладет... иногда.

Гриша понял, что пора откланяться. Он познакомился с красивой девушкой, наказал бородатого извращенца, и теперь пришло самое время покинуть это место. Выдав бородатому прощальный пинок по печени, Гриша рванул к двери, но та вдруг распахнулась ему навстречу. В дверях стояли двое крепких мужиков. Один из них смотрел на Гришу спокойно и буднично, по-деловому, а вот второй буквально разделявал его взглядом.

– Это ты, пидор, в меня анализами кинул? – закричал он, выхватывая из кармана шприц.

Гриша сразу все понял: вначале посадят на иглу, а затем продадут в сексуальное рабство. Но предварительно вырежут все пригодные на продажу органы.

Гриша метался по комнате, два агрессивных незнакомца преследовали его. Старый извращенец корчился на полу и что-то хрипел, Ярославна прижалась к стене и старалась не мешать сафари.

Недолго Грише удалось побегать. Громилы схватили его, скрутили, и воткнули в тело сразу два шприца. Тот, что гнал какую-то пургу про анализы, злобно прорычал Грише в ухо:

– За новый костюм ответишь! Знаешь, сколько он стоил? А ведь выбросить пришлось.

Гриша хотел ответить незнакомцу, конкретно хотел называть ему адрес, куда бы тому неплохо было бы прогуляться, но тут перед глазами все померкло, и Гриша опять отключился.

Очнулся он спустя неизвестное время, все на том же столе, но уже связанный. Тот факт, что его связали, Грише польстил: связали – значит уважают.

Перед столом стояли все те же лица – бородатый и Ярославна. Физиономия бородатого была расписана красиво и талантливо, он болезненно морщился и охал.

– Григорий Грязин, – заговорил он, – вы ведете себя неразумно. Я же уже сказал вам, что мы очень влиятельная организация....

Гриша дернулся – так и подмывало навалить бородатому повторно, но ремни, стянувшие его руки и ноги, держали крепко. Мужик, впрочем, все равно в страхе шарахнулся от стола. Гриша самодовольно улыбнулся – точно уважают.

– У вас нет выбора, – трусливо проблеял бородатый. – Или вы будете с нами сотрудничать, или вас ждет смерть.

Прозвучали конкретные угрозы, и Гриша призадумался. Умирать ему не хотелось, но и впутываться невесть во что тоже. Он уже догадался, что все эти люди – наркомафия, а ему хотят навязать роль наркокурьера. Это чтобы он в своей прямой кишке двадцать килограмм героина перевез через границу. Гриша для себя решил так: надо притвориться, что согласен, но при первом же удобном случае набить бородатому морду и дать деру в ближайшее отделение полиции, а там уже сдать всю преступную группировку. Всю, кроме Ярославны. На нее у Гриши имелись другие планы.

– Согласен, – проворчал он. – Что надо делать?

– Вот видите, – самодовольно произнес бородатый, обращаясь к Ярославне. – Контакт налаживается. Главное сразу обрисовать человеку его перспективы.

«Отлупить бы тебя, падлу, бейсбольной битой» – страстно возмечтал Гриша.

Бородатый, между тем, вновь обратился к Грише.

– Скажите, – произнес он, – вы что-нибудь когда-нибудь слышали о параллельных мирах?

Гриша уставился на бородатого с лютой злобой. Он терпеть не мог, когда какой-нибудь Perezрелый ботаник начинал умничать в его благородном присутствии. Грише сразу начинало казаться, что его пытаются обидеть, нарочно произнося слова, значения которых он не знает. А обид Гриша не прощал. Никому и никогда.

– Для вас это будет новостью, – продолжил бородатый, – но на определенном историческом отрезке линия пространственно-временного континуума распалась на две ветви, которые ныне существуют параллельно. Одна из ветвей – наш мир, тот, в котором вы родились и живете. Но есть и другая реальность. Параллельная.

Внимательно присмотревшись к бородатому типу, Гриша наконец-то вспомнил, где он уже видел эту рожу. Похожий портрет висел в его школе, в классе русского языка и литературы.

– Лев Толстой? – пробормотал Гриша.

Его реплику никто не расслышал. Толстой продолжал умничать:

– Раскол исторической линии на две параллельные ветви произошел в тысяча восемьсот двенадцатом году, из-за кометы, что пролетела в опасной близости от Земли. По всей видимости, комета оказала какое-то необычное влияние на структуру пространства-времени, но так или иначе, с момента ее пролета в одной точке пространства и в одно время существует два разных мира, чье развитие тоже шло по-разному. Истрию нашего мира вы, разумеется, знаете....

Тут Толстой дал промашку – Гриша не знал истории никакого мира, ни своего, ни чужого. Гриша вообще не любил читать, его буквально ломало от этого занятия. Он считал, что чтение, это хобби лохов, и конкретному нормальному пацану заниматься этим просто стыдно.

– Ну а что касается параллельной ветви реальности, то там все совсем иначе, – продолжил Толстой. – Вместо двух мировых войн там была одна, никакой октябрьской революции не было, а в России до сих пор правят представители дома Романовых. В России монархия, понимаете?

– До жопы мне! – огрызнулся Гриша.

– Развитие той, параллельной, России двигалось в совершенно ином направлении. Там до сих пор существует крепостное право, до сих пор всем владеют помещики, а новейшие достижения науки направлены лишь на то, чтобы еще больше подчинить себе крепостных, окончательно сломив их волю, подавив в зародыше даже мысли о непокорности. Но, возможно, именно благодаря этим суровым мерам в отношении холопов, параллельная Россия выстояла во все шторма двадцатого века, а там, поверьте мне, тоже изрядно штормило.

Гриша понял только одно – Толстой слишком долго задержался на этом свете. Пора мочить умника.

– Профессор, переходите ближе к делу, – попросила Ярославна.

– Да, разумеется, – спохватился Толстой. – Так вот, Григорий, мы принадлежим к древней тайной организации опричников. И нам нужен один древний артефакт – жезл Перуна.

– Я его не брал! – тут же откестился от обвинений Гриша, и следом поспешил подставить друга. – У Скунса в кладовке какая-то палка стоит. Не ваш жезл случайно?

– Жезл был утрачен много веков назад, – раздраженно пояснил Толстой. – Нам известно, что его последним владельцем был жрец Перуна по имени Круча.

– Вот у него и спрашивайте, куда он вашу палку дел, – предложил Гриша. – А меня отпустите. Я вообще чужого не беру.

– Вы не понимаете, – покачал головой Толстой. – За минувшие столетия многое произошло, и очень многие знания, до того бережно хранившиеся в тайных местах, были утрачены. Всех людей, которые могли хоть что-то знать о жезле, расстреляли чекисты, документы пожгли или растащили, на месте древних капищ, отмеченных для верности православными храмами, устроили или бассейны, или казармы, или овощные базы. После столетнего хаоса искать что-то, особенно предмет такой важности и ценности, просто бесполезно. Но, к счастью, существует другая реальность, где никаких революций, гражданских войн, коллективизаций, индустриализаций и прочих непопулярных реформ не было. И в той ветви пространственно-временного континуума гораздо легче обнаружить следы жезла. Вы понимаете?

– Руки развяжите, мне в толчок надо, – прорычал Гриша. – Сейчас вам весь стол оболью, вы понимаете?

– Потерпите, – попросил Толстой. – Скоро вы сможете посетить комнату для мальчиков.

– Мне не надо никакой комнаты для мальчиков! – обиделся Гриша. – Мне надо комнату для крутых перцев.

А про себя подумал: «Я не я буду, если мимо унитаза не навалю и все стены им не орошу».

Гриша решил совершить в уборной подвиг в честь новой возлюбленной – написать струей на стене ее имя, или, в крайнем случае, нарисовать сердечко с подтеками.

– В общем, вам придется отправиться в параллельную реальность, и всеми правдами и неправдами отыскать следы жезла в прошлом. Только так мы сможем обнаружить его в этом мире.

– Это куда ехать-то? – не понял Гриша.

– Никуда, – утешил его Толстой. – Телесный переход из одной ветви реальности в другую невозможен. Но мы в силах переслать туда ваше сознание, и внедрить его в тело вашего зеркального двойника. Зеркальный двойник, это ваша точная копия, обитающая в параллельном мире. Лишь у немногих есть такие двойники, так что нам повезло, что мы нашли вас.

– Погоди с согласиём, – осадил Толстого Гриша. – Ты скажи по-русски: куда ехать?

– Я же вам уже объяснил, – теряя терпение, проворчал Толстой. – Мы перенесем ваше сознание в тело вашего двойника, живущего в параллельной ветви реальности.

Гриша понял, что Толстой над ним издевается. Точно так же один ботаник в школе долго мучил Гришу, произнося при нем непонятные слова. Дорого заплатил ботаник за свою подлость. Жестоко наказал его Гриша. И вот, кажется, на его жизненном пути возник еще один умник, срочно нуждающийся в перевоспитании.

– Я базарю – по-людски можно, бля, разговаривать, или чего? – возмущенно прокричал Гриша. – Типа нормально скажи, как пацан пацану – куда ехать, сколько денег заплатите, все такое. Хватит про этот параллельный отстой гнать.

Толстой, судя по всему, собрался подписать себе смертный приговор, опять начав говорить непонятные слова, но тут в дело вмешалась Ярославна.

– Профессор, – сказала она, – позвольте я сама ему все объясню.

– Как угодно, – поднял руки Толстой. – Объясняйте ему, как хотите и что хотите, но завтра утром он должен быть готов к работе.

– Будет готов, – пообещала Ярославна.

Едва Толстой вышел из комнаты, как Гриша спешно озвучил заранее заготовленный ультиматум.

– Или страстный секс прямо сейчас, или я завтра готов не буду! – заявил он решительно и твердо.

Ярославна пристально поглядела на него, затем кивнула головой и пробормотала:

– Хорошо. Будет тебе секс.

Гриша весь аж расцвел от счастья, предвкушая скорый оргазм.

– Сейчас вернусь, – пообещала Ярославна, и тоже вышла. Гриша понял, что девушка отправилась принять душ и раздеться подобающим образом. Весь в предвкушении грядущего счастья он пролежал минут пять. Затем дверь опять открылась. В помещение вошла Ярославна, а вместе с ней какая-то жирная баба лет сорока.

– Это наша кухарка Галина, – представила бабу Ярославна. – Она глухонемая.

Тут Ярославна повернулась к Галине и что-то сказала ей языком жестов. Галина покосилась на привязанного к столу Гришу и плотоядно оскалилась. Гришу взяло беспокойство.

– Типа в чем дело-то? – с тревогой спросил он. – Зачем тут эта жирная?

– Ты же хотел секса, – пожалала плечами Ярославна. – Вот и будет тебе секс.

– С ней? – ужаснулся Гриша, уставившись на кошмарную Галину.

– Да, с ней, – подтвердила Ярославна. – Других женщин на базе все равно нет.

– А ты как же? – заорал Гриша, но дверь за Ярославной уже закрылась. А Галина уже надвигалась на него, стаскивая через голову белый поварской халат. Из-под халата вывалился огромный дряблый живот, похожий на мешок с жиром, и Гриша, отчаянно боясь поседеть, закричал, что совсем расхотел любовных утех.

Но напрасно он рвал глотку и дергался, привязанный к столу. Галина была глухонемой и уже три года как разведенной.

Глава 3

Следующим утром Гриша был мрачен и угрюм. Ночь прошла ужасно, такой психологической травмы ему давно уже не наносили. Кошмарная Галина удалилась ближе к полуночи, и Гриша, морально страдая от пережитого полового столкновения с этим чудовищем, попытался уснуть. Однако ремни, стягивающие его конечности, мешали устроиться поудобнее, а затылок упирался в твердую поверхность стола (подушку ему никто не предложил). Промучившись до самого утра, Гриша задремал только перед рассветом, и почти сразу же был разбужен появившейся Ярославной.

– Доброе утро, – поприветствовала его девушка. – Как спалось?

Гриша на одном дыхании выдал все матерные слова, какие знал.

– Вы сами виноваты, – покачала головой Ярославна. – Зачем было кидаться на профессора? Теперь вас считают опасным. А вели бы себя хорошо, спали бы в постели.

– С кем? – тут же поставил вопрос ребром Гриша.

– С Галиной, если хотите. Вы ей очень понравились.

Гриша в ярости заскрежетал зубами. Все происходящее ему решительно не нравилось. Его украли из дома, пытаются заставить работать, обращаются плохо, пытаются Галиной, не кормят, и, что самое главное, он ни от кого еще не услышал ни одной конкретной суммы. Что ему причитается за все эти муки? Гриша хотел бы знать это заранее.

– Жрать хочу! – потребовал он, лютым взглядом следя за Ярославной.

– Сейчас придет Галина....

– Не надо Галины! – истошно закричал Гриша, сиюсь разорвать удерживающие его ремни. – Хватит Галины! Фашисты!

– Да успокойтесь, – поспешила объяснить Ярославна. – Галина вам завтрак принесет.

– А кто-нибудь другой мне не может завтрак принести? – заливаясь слезами, взмолился Гриша.

Тут как раз вошла Галина, несущая накрытый большой салфеткой поднос. На неохватной физиономии поварахи застыло выражение неземного счастья. Грише стало дурно.

– Я развяжу вам руки, – сказала Ярославна. – Ведите себя адекватно. Если начнете буянить, то вас будут кормить с ложечки.

– Кто будет кормить?

– Галина.

– Не стану буянить! – поклялся Гриша. – Слово пацана даю.

Ярославна прищурилась, косо поглядывая на пленника. Похоже, у нее имелись определенные сомнения в нерушимости пацанского слова.

– Пацан сказал – пацан сделал! – заверил ее Гриша.

Ярославна тяжело вздохнула, и решила поверить. Как только Гришины руки оказались свободны, его первым порывом было схватить Галину за толстую шею и удушить, дабы кошмарная ночка не повторилась никогда в будущем. Но Гриша сдержался. Он решил вести себя хорошо, тем самым усыпляя бдительность своих тюремщиков, а вот когда те расслабятся и окончательно уверятся в его безобидности, он им покажет! Всем покажет! И Толстому, и Галине, и двум гоблинам, что его шприцами тыкали.

Галина, загадочно улыбаясь, поставила поднос ему на колени и сняла салфетку. Увидав свой завтрак, Гриша едва не расплакался. Перед ним стояла полная тарелка манной каши, над поверхностью которой, словно айсберг над водами океана, возвышался утопленный в ней кусок маргарина.

– А гамбургеров у вас нет? – жалобным голосом обратился он к Ярославне.

– Гамбургеры, это внедряемая западом отравка, – пояснила Ярославна. – Регулярное употребление в пищу этого продукта может вызвать необратимые генетические изменения.

И добавила:

– Приятного аппетита.

– Дайте хоть бутер с колбасятиной! – заныл Гриша, с детства ненавидящий манную кашу. – Не могу я эту парашу лопать.

– Бутерброд – это не еда, – покачала головой Ярославна. – Люди, питающиеся всухомятку одними бутербродами, рискуют своим здоровьем. Но если вам так не нравится каша, можем предложить на завтрак четыре сырых яйца.

Гриша схватил ложку и, боря рвотные спазмы, стал самозабвенно уплетать кашу. Манная каша всегда ассоциировалась у него с тем, что он неоднократно наблюдал в глубинах унитаза, когда отрывал зад от стульчака, и, обернувшись, изучал результаты своих усилий. Трижды каша лезла обратно, выплескивалась через нос, пыталась залиться в дыхательные пути. Но Гриша не останавливался. Он одной мысли, что его могут попотчевать сырыми яйцами, он готов был сожрать что угодно.

Измучившись, Гриша выскреб тарелку и тяжело повалился на стол. Ему было плохо. Он чувствовал, что каша не прижилась в организме.

– А теперь сок, – сказала Ярославна, протягивая ему прозрачный стакан с мутной светло-зеленой жидкостью. – Натуральный продукт. Укрепляет иммунную систему и очищает организм от токсинов.

Гриша с радостью схватил стакан, ибо чувствовал, что мерзкую кашу необходимо чем-то запить. Но едва он успел сделать пару глотков, как глаза его полезли из орбит, а содержимое желудка наружу. Забрызгав кашей и себя, и стол и Галину, Гриша, хрипя и сквернословя, попытался выяснить, что за отвратительную дрянь ему подсунули.

– Оздоровительный коктейль, – пояснила Ярославна. – Сок полыни, сок чертополоха, лопуховый нектар....

– Чтоб тебя дети на старости лет так кормили и поили! – пожелал Гриша Ярославне.

– Это вы с непривычки, – пояснила девушка. – Ваш организм отравлен химией, ему необходимо очиститься, прежде чем он сможет усваивать натуральные продукты.

– Не хочу очищаться! – заплакал Гриша, представив себе, что отныне его будут кормить только натуральными продуктами. – Дайте мне химии. Дайте мне гамбургер. Полцарства за беляш!

Голодный и злой Гриша, под конвоем уже знакомых ему мордovorотов, проследовал за Ярославной в другое помещение. Это место оказалось интереснее его предыдущей камеры. Повсюду громоздилась непонятная аппаратура, мерцали мониторы, мигали лампочки, а в центре, на небольшом возвышении, стоял деревянный гроб, обитый красной материей. От гроба к приборам тянулись пучки проводов. Гриша, испытывая страх, попытался обратно в коридор, но нежные руки костоломов помогли ему одолеть робость.

Лев Толстой тоже был здесь, и в нетерпении прохаживался от стены к стене. Заметив вошедшего Гришу, он как-то недобро заулыбался.

– Ну, он готов? – спросил Толстой у Ярославны. – Сделаем пробный запуск, проверим психическую совместимость и устойчивость канала.

– Нужно хотя бы объяснить ему, что его ждет в той ветви реальности, – в негодовании произнесла Ярославна. – Он же окажется в совершенно ином мире, о котором ничего не знает.

– Да он вообще ни о чем ничего не знает, – проворчал Толстой. – Его учить, что мертвому... пятки щекотать. Сам разберется, на месте. Жить захочет – разберется.

Повернувшись к Грише, Толстой указал рукой на гроб, и предложил:

– Ложитесь.

Гриша опешил.

– Чего? – пробормотал он. – Куда лечь?

– В гроб.

– В дубовину? Да вы что, вообще охренели? Я туда не лягу!

Крепкие руки гоблинов упали на Гришины плечи, и парень понял, что погорячился с категоричными заявлениями.

– Ляжешь, – сказал ему на ухо один из гоблинов, тот самый, что на своем новом костюме изведаль убийную силу фекальной гранаты. – Как миленький ляжешь. А не ляжешь, мы тебе ноги переломаем.

– И руки, – добавил второй. – Чтобы дерьмом больше не кидался.

Костоломы на пинках подвели Гришу к гробу. Гриша дрожал. Он был в известной мере суверен, и лежание в гробу считал дурной приметой.

– Зачем в гроб-то? – бормотал он побелевшими губами.

– Специальный ложемент еще не изготовили, – пояснила Ярославна, нажимая на пульте какие-то кнопки. – Пришлось импровизировать. Хотели вначале диванчик купить, но тут рядом бюро ритуальных услуг, а у них как раз акция была, большие скидки....

– Скупердяи! – простонал Гриша, с ужасом укладывая себя в деревянный ящик. Гоблины отошли, над ним склонилась Ярославна, и стала подключать к его телу какие-то провода.

– Током не ушибет? – забеспокоился Гриша.

– Не должно, – как-то неубедительно ответила Ярославна. – Хотя вот ягодичный кабель время от времени замыкает.

С этими словами она подключила один из проводов к Гришину заду.

– Жопу-гриль хочешь приготовить? – простонал Гриша. – Что со мной будет? Пытать станете?

Ярославна, прицепив последний «крокодил» к Гришину уху, ответила:

– Все будет нормально, ничего не бойся. Помни, то тело, в котором ты окажешься, оно не твое. И что бы с ним ни происходило, это не важно. Но тебе следует беречь то тело, потому что если оно погибнет, ты окажешься бесполезен, и профессор прикажет тебя убить каким-нибудь изуверским способом.

– Умеешь ты подбодрить в трудную минуту, – проворчал Гриша. – А если честно – что сейчас будет?

– Твое сознание перенесется в иную реальность, и войдет в тело твоего зеркального двойника. То есть там, в иной ветви реальности, тоже живет Гриша Грязин, мы блокируем его личность, а ты получишь полный контроль над его телом. Но запомни – там все иначе. Постарайся не делать глупостей. Постарайся вначале вообще ничего не делать. Присмотрись, освойся, ни с кем не конфликтуй. Помни, что твоя основная задача, это сбор информации о местоположении артефакта. Ты должен выяснить, где жезл Перуна находился перед отечественной войной двенадцатого года.

– А зачем вам этот жезл? – спросил Гриша, чисто чтобы потянуть время. Из мутных объяснений Ярославны он понял только одно – что бы с ним ни сделали, ему это точно не понравится.

– Жезл Перуна – могущественный артефакт древности. Ты знаешь, кто такой Перун?

– Ясен пень! Не в лесу вырос. Хороший коктейль. Помню, мы со Скунсом этим Перуном до зеленого поноса ужрались.

– Да нет, это не тот Перун, – отмахнулась Ярославна. – Перун, это древний языческий бог, бог грозы.

– Точно! – обрадовался Гриша. – На бутылке тоже были молнии нарисованы....

– Ну, все, хватит! – прикрикнул Лев Толстой, и Ярославна, пожелав Грише удачи, отошла от гроба. Два гоблина подтащили крышку и стали опускать ее на место.

– А крышка-то зачем? – испугался Гриша.

– Затем, чтобы ты, гад, не сбежал.

Крышку опустили, затем Гриша услышал грохот – это забивали гвозди. В этот момент Гриша впервые серьезно пожалел о том, что сгоряча отметелил Толстого. Нужно было вести себя тихо, глядишь, и отношение было бы иное.

Снаружи глухо звучали знакомые голоса. Толстой крикнул:

– Запуск.

Гриша стиснул зубы и зажмурил глаза – приготовился ощутить своей пятой точкой электрический разряд мощностью в пять тысяч вольт. Но вместо этого ощутил, что проваливается куда-то через пол, затем ниже и ниже, сквозь землю, и вот уже несется со скоростью пули прямо в центр планеты, к железному ядру Земли.

– Да пошло оно все... – закричал он прощально, а затем яркая вспышка поглотила и его и прозвучавшее в космической пустоте пожелание.

Глава 4

– Ты что, животное, спишь? Скотина, я к тебе обращаюсь! Ах ты падаль безмозглая...

«Во кого-то комплиментами осыпают» – сквозь муть в голове подумал Гриша, слыша летающие из внешнего мира гневные слова. Он с трудом пошевелился, пытаясь привести мысли в порядок, но вдруг что-то твердое, тяжелое и болезненное со страшной силой вонзилось в его бок.

– Мать... – закричал Гриша, скрутившись калачиком. – Суки... Порву! Изувечу!

– Что? – прогремел над ним не столько разгневанный, сколько удивленный голос.

Гриша распахнул глаза и уставился вверх. Прямо над ним навис дюжий мордovorот с широченной красной харей и огромным животом. В руке у мордovorота был кнут.

– Что ты сейчас сказал, холоп? – переспросил страшный незнакомец.

Гриша взвесил все аргументы «про» и «контра», и пришел к выводу, что лучше не пороть горячку.

– Ничего не говорил, – промямлил он. – Так, маму вспомнил.

– Встать!

Гриша с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, во рту был солоноватый привкус, бок, вошедший в тесный контакт с огромным сапогом громилы, чудовищно болел. Моргнув трижды кряду, Гриша нормализовал зрение, и огляделся.

Он стоял посреди какого-то поля, рядом с ним на земле валялась лопата. Поблизости самоотверженно трудились замороженные мужики в лохмотьях, смахивающие телосложением на узников Бухенвальда из нацистской кинохроники. Мужики, обливаясь потом, ковыряли тупыми и кривыми лопатами твердую, как камень, землю, вены на тощих, покрытых тройным слоем грязи и пыли, руках вздувались так, что едва не прорывали загорелую кожу. Еще Гриша отметил одну немаловажную деталь, а именно то, что все труженики как-то единодушно не проявляли ни малейшего любопытства. То есть тут, рядом с ними, кого-то пинают сапогами, а они не бросают работу и не бегут на это жадно смотреть, более того, не вытаскивают мобильники и не снимают все это на память. Как долбили лопатами землю, так и долбят, не поднимая глаз.

Осмотревшись по сторонам, Гриша заметил вдалеке какие-то строения, чуть сбоку большой пруд, а по другую сторону темнеющий лес или рощу. Как он попал в это хрен знает где Гриша вспомнить не мог. Только что он лежал в гробу, и вдруг очутился в чистом поле.

– Слышь, мужик, я где? – спросил он у мордатового здоровяка.

Вместо ответа кулак собеседника заставил Гришу прилечь обратно на землю.

– Да кончай, блин, уже! – разозлился Гриша, сплевывая кровавую слюну. – Ответить, что ли, трудно?

Здоровяк вытащил из кармана какой-то прибор с антенной, похожий на рацию, и сказал в него:

– У меня тут случай бунтарства. Высылайте воспитателей.

– Не надо воспитателей! – прокричал Гриша, пытаясь воздвигнуть себя на подкашивающиеся ноги. – Я уже того... воспитанный. Да что, блин, происходит, а? Эй, мужики?

На этот раз он обратился не к агрессивному здоровяку, от которого, как уже понял Гриша, ничего, кроме побоев, не дождешься, а к другим работягам, таким же, как и он сам. О том, что он тоже работяга, Гриша догадался по своей одежде – на нем были такие же лохмотья, как и на прочих тружениках.

– Мужики, где я? – прокричал он. – Ау? Мужики? Вы что, уши с утра не мыли?

Вдалеке замаячил столб пыли, который стремительно вырос в автомобиль неизвестной Грише марки. Из тачки выпрыгнули трое крепких парней и направились к нему. Гриша нутром почувствовал, что сейчас его начнут воспитывать методами, отнюдь не одобренными министерством образования.

– Который холоп бунтарствует? – спросил один из прибывших у мордovorота.

– Да вот этот.

И толстый палец здоровяка указал прямо на Гришу.

Не успел невинно оклеветанный и рта раскрыть в свое оправдание, как его уже грубо схватили за руки и потащили к автомобилю. Засунули не в салон, а в багажник, где не было никаких сидений, так что Гриша уронил зад прямо на грязный пол. Автомобиль тронулся, Гриша, стиснув зубы, чтобы не откусить язык на ухабах, жадно таранился в пыльное окно, желая поскорее понять, куда занесла его нелегкая.

Автомобиль направился к группе строений, которую Гриша заметил сразу. При ближайшем рассмотрении это оказалось чем-то вроде усадьбы, где главенствующую роль занимал огромный красивый особняк в три этажа, с колоннадой, с балкончиками, с высокой башенкой, украшенной острым шпилем. Скромный домик был обнесен декоративным забором, а уже вокруг него расположились иные строения, менее шикарные и явно предназначенные не для хозяев жизни. Гриша заметил людей, таких же грязных и заморенных, как и в поле. Тут были сплошь мужчины, детей и женщин не наблюдалось.

«Попал в рабство к олигарху» – смекнул Гриша, который слышал о чем-то таком от друга Скунса.

Автомобиль остановился напротив большого сарая, крепыши вытащили Гришу из багажника и поволокли внутрь.

Как Гриша и подозревал, процедура воспитания главным образом заключалась в агрессивном воздействии на его организм. Вначале его высекли кнутом, затем один из воспитателей схватил черенок от лопаты, и изо всех сил ударил им Гришу по заднице. Черенок переломился надвое, задница, как показалось Грише, на сорок пять кусков. Гриша с истошным криком повалился на солому. Нависший над ним изверг прорычал:

– Встать!

Чудо, но Гриша молниеносно оказался на ногах, забыв обо всех болячках.

– Бунтовать, значит, вздумал? – люто вращая глазами, спросил садист, и прижал к Гришину носу свой огромный натруженный кулак. Гриша изучил этот кулак, понюхал, чем тот пахнет, и пригорюнился. Нет, эти руки никогда не держали лопаты, молотка, дрели или иного инструмента. Всю свою долгую жизнь эти кулаки занимались только одним делом – чесались о живых разумных существ.

– Супротив барина своего бунтуешь? – заорал другой садист. – Супротив наместника божьего на земле? Ах ты нехристь!

Гришу опять принялись бить, но уже без прежнего азарта.

– К ветеринару захотел? – орали на него. – Устроим! Он тебя живо покорным сделает.

– Да я покорный, покорный, – бормотал Гриша, пытаясь закрыть от ударов голову.

Его схватили за волосы и потащили к огромной деревянной колоде. Один из извергов взял прислоненную к стене оглоблю. Гриша понял, что это пришла его смерть. Ко всем она приходит с косою, а к нему явилась с оглоблей наперевес.

Охваченный страхом, Гриша, уже мало что соображая, весь отдался во власть инстинкту самосохранения.

– Барина люблю очень! Люблю кормильца! Люблю отца родного! – затянул он навзрыд, не выходя из состояния аффекта. – Простите ради Христа, бес попутал, не сам согрешил.

Его уже уложили на колоду, садист уже занес оглоблю для удара, но услышав искренние слова раскаяния, передумал.

– Одумался? – спросил у Гриши один из костоломов.

– Одумался, одумался, – тупо кивал Гриша.

– Раскаялся?

– Раскаялся, раскаялся....

– Тогда расскажи нам кредо холопа.

Гриша молчал – на этот вопрос он не знал ответа.

– Ну, что молчишь, животное? – ударил его по голове один из садистов. – Забыл, да?

– Да в их тупых головах ничто дольше одного дня не держится, – махнул рукой второй. – Эй, православный, слушай и запоминай. Завтра спрошу – если не ответишь, я тебя к ветеринару отправлю. Слушаешь?

Гриша кивнул.

– Слушай. Кредо холопа состоит из трех правил. Правило первое: послушание – залог здоровья. Правило второе: рожденный холопом – холопом и помрет. И правило третье: курица не птица – холоп не человек. Запомнил, скот?

– Запомнил, – промямлил Гриша распухшими кровотокающими губами.

– Повтори!

Гриша кое-как повторил, пять раз сбивался, пять раз его за это избивали, но в итоге садисты все же проявили милосердие, решили, по их словам, дать ему второй шанс.

Окровавленного, чуть живого Гришу окатили из ведра ледяной водой и велели идти на кормежку. Гриша, едва держась на ногах, выполз из сарая, и услышал звук сирены, разносящийся по всей округе. Затем он заметил грязных тощих мужиков, бредущих к небольшому строению метрах в ста от воспитательного сарая. Не видя иного пути, Гриша побрел туда же, куда и все.

Возле сооружения, своей неряшливостью похожего на свинарник, собралась изрядная толпа мужиков, человек с полсотни. Гриша, чуть живой после пережитой воспитательной процедуры, приблизился к толпе и, не смешиваясь с ней, остановился в сторонке. Его неудержимо тянуло присесть, а лучше так прилечь, но что-то подсказывало ему, что делать этого не следует. Помутившимся от побоев взглядом он наблюдал за собравшимися людьми. Публика подобралась утонченная, в том смысле, что болезненно-худая. Грише опять вспомнились кадры хроники из нацистского концлагеря. На всех собравшихся были надеты какие-то рваные лохмотья, грязные до омерзения. Что важно – ни у одного не было никакой обуви, люди твердо стояли на земле, упираясь в нее грязными ногами с огромными черными ногтями. Еще Гриша заметил одну особенность местной публики – от публики зверски воняло. Даже сквозь опухший от прямого попадания кулака, забитый засохшей кровью нос, Гриша ощутил жуткий смрад пота и испражнений. Глянув на ближайшего мужика – дистрофика с огромной бородой до пупа, Гриша увидел у того спереди на штанах обширное желтое пятно. Гадать о природе этого пятна долго не пришлось. А когда мужик повернулся спиной, Гриша, без особого удивления, обнаружил с противоположной стороны аналогичных размеров коричневое пятно.

Обычно, когда люди собираются в кучу больше двух, они тут же начинают безостановочно говорить всякую ерунду, и чем больше толпа, тем громче производимый ею шум. Но в данном случае ничего подобного не было. Мужики стояли молча, не издавая ни звука. Никто не с кем не разговаривал, даже шепотом, даже не обменивались никакими знаками. На всех лицах застыло одно и то же выражение – выражение ученика, вызванного к доске отвечать невыученный урок. Пустые глаза смотрели на мир без тени эмоций. Если бы все эти люди не шевелились и не дышали, их можно было бы принять за манекенов.

Гриша по-прежнему не понимал где он и что происходит. В иной ситуации он бы уже подошел к мужикам и стал их расспрашивать, но воспитательная процедура в сарае кое-чему его научила. Например, тому, что рот следует открывать с осторожностью, тщательно обдумав готовые вырваться из него слова. И все же Гриша нашупал глазами молодого парня, своего

ровесника, чье лицо показалось ему наименее тупым. Он решил подойти к нему и тихонько заговорить, не привлекая внимания остальных, но тут в сарае, перед которым они толпились, распахнулось окошко, и властный голос крикнул:

– В очередь, скоты!

Неорганизованная, хаотично сформированная толпа в мановение ока вытянулась в идеально ровную линию. Гриша оказался где-то посередине очереди, хотя мог бы пробиться и ближе к окошку. Но лезть на передовую не хотелось, ведь неизвестно, что именно ожидает его в конце пути.

Очередь продвигалась быстро, и вскоре Гриша выяснил, что они стоят за едой. Отходящие от окошка оборванцы имели в руках синие пластиковые тарелки, из которых что-то жадно вылавливали руками и пихали в рот. Только теперь Гриша понял, что он зверски голоден. Где бы он ни оказался, что бы с ним ни произошло, прежде, чем искать ответы на все эти сложные вопросы, следовало подкрепить силы.

Вот стоявший перед ним человек получил свою порцию, и Гриша оказался у заветного окошка. Оттуда немедленно вылезла волосатая рука, и протянул ему миску. Гриша взял ее, заглянул в нее, и подумал, что у него галлюцинации.

В синей пластиковой миске, старой, грязной, надкусанной в четырех местах, плескалась мутная вода, в которой плавали такие очаровательные ингредиенты, как картофельная кожура, шелуха от лука, нечто неопознанное, похожее на сопли, а на дне белела яичная скорлупа.

Не очень понимая, что происходит, Гриша подошел к мужику, который жадно хлебал из своей миски, и изучил его порцию. Ошибки не было – всем остальным дали то же самое фирменное блюдо, что и ему.

– Что это за помои? – невольно простонал Гриша, с омерзением глядя на мужиков, жадно, с аппетитом, пожирающих то, что не стали бы есть и свиньи.

Рядом появился тот самый парень, с которым Гриша планировал заговорить. Юноша показался умнее прочих, но когда он залпом осушил свою миску, зычно рыгнул и, завершая комбинацию, пустил задом гром и молнии, Гриша понял, что ошибся в человеке.

– Тут всегда так вкусно кормят? – все же спросил он у юного интеллигента.

Парень уставился на Гришу как на новые ворота с еще не высохшей краской. Рот его приоткрылся, из-под нижней губы по подбородку хлынул поток слюны, которая дождем закапала прямо на грязные ступни.

– Эй, зомби, ты живой? – позвал Гриша, с беспокойством поглядывая на своего нового друга. – Я спрашиваю: тут всегда такая кормежка?

– Важно поснедали, – вдруг распевно протянул паренек, у которого оказалась чудовищная дикция.

– А на ужин что? – спросил Гриша.

– Отрыжник.

Гриша даже не стал выяснять, что такое загадочный отрыжник. Название блюда говорило само за себя.

Тут он заметил четверых мужиков, отличающихся прямо-таки отвратительной худобой, и похожих на девушек, которые в погоне за конкурентоспособной внешностью загоняют себя в могилу всякими изуверскими диетами. Эти четверо не стояли в очереди, они сидели у стены сарая и с безразличным видом жевали покрытую пылью траву, которую рвали тут же.

Процесс кормления занял всего минут двадцать, после чего все торопливо сдали свои миски обратно. Гриша незаметно вылил помои под стену сарая, и, избавившись от пустой миски, остановился на месте, не зная, куда ему идти. Естественным желанием было дать отсюда деру, но Гриша не знал, в какую сторону надо бежать, чтобы скорее добраться до лучшей жизни. Всюду, куда он ни устремлял взгляд, простирались возделанные поля, вдалеке чернел

лес, но до него было слишком далеко. Рвани он туда, догонят на автомобиле, сунут в багажник, отвезут в сарай повторно и опять подвергнут воспитательной процедуре.

– Эй, ты, скот, – прозвучал вдруг рядом с ним чей-то громкий властный голос.

Гриша вздрогнул, и повернулся лицом к источнику хамства. Перед ним стоял крепкий розовощекий мужик с короткой бородкой, сносно одетый и даже в сапогах. В правой руке у дяди был кнут.

– Что, оглох? – злобно спросил бородатый.

Гриша терпеть не мог, когда кто-то грубил ему, и всегда отвечал на грубость адекватно, а зачастую и неадекватно. Но воспитание в сарае не прошло даром. То, что не смогли сделать учителя за десять лет его пребывания в школе, трое громил сделали за десять минут.

– Слышу, – робко отозвался Гриша, опасаясь новых побоев.

– Иди за мной! – приказал мужик с кнутом.

Гриша покорно поплелся следом за проводником, на ходу гадая, куда и зачем его ведут. Когда они миновали воспитательный сарай, Гриша испустил могучий вздох облегчения. Дальше простирался пустырь, на его дальней оконечности высилась огромная куча ядреного навоза. В кучу были воткнуты вилы, рядом стояла тележка, вся ржавая и мятая, чье колесо было скорее квадратной, нежели круглой формы. Бородатый начальник указал пальцем на кучу, и произнес:

– Грузишь навоз в тележку и перевозишь вон туда.

И указал место передислокации навоза. Оно оказалось метрах в двадцати от кучи.

По мнению Гриши, работы тут было на три недели, но сроки, озвученные руководством, оказались несколько иными.

– Время тебе до вечера, – сказал он. – Не уложишься, получишь десять ударов кнутом и останешься без ужина. Вперед!

Выдав Грише аванс в виде звонкого подзатыльника, начальник, насвистывая, удалился. Гриша с ужасом посмотрел на огромную кучу навоза. Три дюжины коров должны были хорошо кушать целый год, чтобы произвести столько натуральных удобрений. Пустой желудок лип к ребрам, в глазах то и дело темнело. Гриша уже успел пожалеть, что вылил обед на землю. Помои, конечно, но совсем без еды он долго не протянет. Если еще и с ужином пролетит, то завтра рискует не встать на ноги.

Перспектива голодной смерти пробудила в Грише несвойственное ему прежде трудолюбие. Он схватил вилы и стал торопливо наполнять тележку навозом. Вилы оказались корявые и тупые, они упорно не хотели вонзаться в навоз, тележка, едва он загрузил ее до половины, подло перевернулась на бок. Грише захотелось заплакать, и он не стал сдерживать своих желаний. Все, что происходило с ним, напоминало страшный сон, с той лишь разницей, что в страшном сне никогда не бывает так страшно. Гриша восемь раз ущипнул себя за бедро, дважды за руку, трижды за ухо и даже разок за самое свое святое место. После крайне болезненного осквернения святыни отпали последние сомнения – он не спал. Весь этот кромешный ад происходил наяву.

– Да где, блин, я? – в полном отчаянии простонал Гриша.

Еще Грише очень жаждалось выяснить, кто во всем этом виноват, и что с этим виноватым следует болезненное сделать. Но вечные вопросы остались без ответа, а кушать, тем временем, хотелось все сильнее. Гриша понял, что нельзя разгадывать тайны мироздания, когда в твоей утробе воцарился вакуум. Единственный же путь к устранению этого вакуума лежал через огромную кучу навоза. Зловонная куча нагло развалилась между Гришей и сытостью. Всего полчаса назад от одного слова «отрыжник» Гришу едва не вывернуло наизнанку, теперь же он страстно мечтал отведать этот дивный деликатес.

Делать было нечего. Подняв тележку, Гриша вновь взялся за дело. Куча навоза была велика. Это была настоящая гора, и, вонзая в нее вилы, Гриша глубже понял смысл выражения

– горы свернуть. Ему тоже предстояло свернуть гору, и не просто свернуть, но и переместить ее на другое место.

Под верхней засохшей коркой скрывалась сочная свежая начинка. Стоило добраться до нее, и в обе Гришины ноздри радостно и бодро ворвался аромат сельской местности. Гриша не был неженкой, не падал в обморок от запаха пота, и не бился в падучей при слове «перхоть». Даже зубы свои Гриша чистил не регулярно, а только когда шел на свидание. Но даже у него из глаз брызнули слезы, стоило глубоко вдохнуть благоухание натурального продукта.

Первая тележка наполнилась, и Гриша, кряхтя от натуги, покатил ее туда, где куче надлежало быть в будущем. Бесформенные колеса глубоко проваливались в мягкую землю, скользкие ручки тележки так и норовили вывернуться из слабосильных пальцев. Над зловонным грузом кружились привлеченные поживой мухи, иные из них садились на Гришу, нагло лезли в нос, в глаза, в уши. Ужасно хотелось Грише бросить тележку, и показать этим мухам, кто в доме венец творения. Но Гриша понимал – стоит поставить тележку, и она тут же перевернется на бок, а весь нагруженный в нее навоз окажется на земле. И вновь придется собирать его, тратить время, а, меж тем, куча, ждущая своей передислокации, еще так запредельно велика.

Страдая от невыносимого голода, Гриша с нежностью и теплотой вспомнил те яства, которыми потчевала его бывшая девушка. Машка не умела готовить. И не пыталась учиться. Не пыталась, главным образом, потому, что сама себя считала знатной поварихой, а свою стряпню – кулинарными шедеврами. Гриша, до знакомства с ней, наивно полагал, что испортить обычную яичницу выше предела человеческих возможностей. Но подруга развеяла это заблуждение. Она приготовила такую яичницу, что ее не стали бы применять для пыток военнопленных сотрудники Гестапо, потому что даже их жестокость знала границы. А когда она однажды испекла торт, Гриша, отведав его, решил, что пробил его смертный час. С ее экзотического салата из овощей Гришу несло три дня и три ночи, а жареным мясом в ее исполнении Гриша так подавился, что даже успел посинеть, прежде чем до Машки дошло стукнуть его кулаком по спине.

В то время стряпня подруги воспринималась Гришей как своеобразная плата за секс. Он соглашался потреблять всю эту гадость, при этом старался не морщиться и не плевать, а взамен получал то, что хотел. Теперь же он готов был слопать любое Машкино блюдо вместе с тарелкой и самой Машкой.

Вывалив тележку, Гриша покатил ее обратно. Перевезенная им доля навоза составляла крошечную кучку на фоне той горы, что ему еще предстояло перевезти. На Гришу нахлынуло отчаяние. Зачем он обманывал себя, зачем тешил несбыточными надеждами? Пришла пора взглянуть правде в глаза: ему не видать сегодня ужина.

Гриша присел на землю и обхватил голову руками. Он никак не мог сообразить, как попал сюда, и что это за место. Последние несколько дней словно вывалились у него из памяти. У Гриши возникла версия, что он зверски напился до утраты сознания, и его, невменяемого, тайно похитили и увезли невесть куда, то бишь в рабство. Однако интуитивно Гриша чувствовал, что дело куда серьезнее.

Не успел он толком пораскинуть мозгами, как рядом с ним загремели шаги, а затем по Гришиной сгорбленной спине смачно прошелся кожаный кнут.

– Твою мать! – заорал Гриша, взвываясь на ноги.

– Тебе кто сидеть разрешал, скот? – злобно глядя на него крошечными свиными глазками, спросил невесть откуда возникший мужик с кнутом, принадлежащий к числу здешних надзирателей.

– Да я так... перекуриваю... – проямлил Гриша, все еще морщась от плеточного послевкусия.

– Что ты делаешь? – прищурившись, спросил бугай.

Гриша, резко вспотев, вдруг понял, что ляпнул что-то не то. Похоже, чем-то не тем было слово «перекуриваю». Только сейчас Гриша вспомнил, что никто из оборванцев не курил во время обеда.

– Ничего, – тихонько пропищал Гриша.

– Ничего? – взревел садист, и его рука, взметнувшись со скоростью молнии, еще раз попотчевала Гришу кнутом. – Ты, животное, смеешь ничего не делать? Да ты смутьян!

Гриша не видел ничего страшного в слове смутьян, но тот тон, каким это слово было произнесено, заставил его коленки задрожать. Парень понял, что в его адрес только что прозвучало очень серьезное обвинение, а за серьезные обвинения, как правило, серьезно наказывают. Гриша в ужасе гадал, что его ждет – еще один визит в воспитательный сарай, или нечто иное, куда более суровое – как вдруг бугай выдал такое, что у смутьяна волосы зашевелились по всей поверхности тела.

– Ах ты, нехристь! – вдруг взвыл бугай, взирая на Гришу со смешанным чувством ненависти и страха. – Да ты ж безбожник!

Эти новые обвинения, никак, на первый взгляд, не связанные с прежними, довели Гришу до состояния паники.

– Я верующий! – закричал он истошно. – И не смутьян. Я хороший!

– Почто против бога идешь? – заорал на него надзиратель.

И опять Гриша не понял, каким именно своим поступком он пошел против бога. Не тем ли, что забил на навоз и сел отдыхать? Перевоз продуктов жизнедеятельности крупного рогатого скота трудно было назвать богоугодным делом, но Гриша слабо разбирался в вопросах религии. Он хотел внести ясность и задать своему собеседнику вопросы, способные пролить свет на творящееся вокруг непонятно что, но собеседник не пожелал продолжать разговор в рамках цивилизованных норм. Вновь засвистел кнут, и всякий раз это воспитательное орудие находило Гришино мясо. Крича и плача, Гриша свалился на землю и закрыл лицо руками, дабы гуляющая по его телу плетка не выбила ему глаза.

– Вот тебе, нехристь! Вот тебе! – усердствовал душегуб.

– Помогите! – закричал Гриша, утративший способность соображать. – Милиция... Тьфу ты! Полиция!

– Ага! – вдруг обрадовался садист. – Понял свою вину, иуда! В полицию просишься. Я из тебя, нехристь, все смутьянство выколочу, ты у меня не то, что в полицию, к ветеринару запросишься. Против бога идешь! Против барина своего, божьего наместника на земле!

– Ни против кого я не иду, – простонал Гриша с земли. – Я хороший, хороший...

– Не верю! Ты делом докажи, что хороший. Православным подвигом. Вот перетаскаешь за сегодняшний день эту кучу, дам тебе второй шанс, а нет – завтра же выпишу тебе направление к ветеринару. Понял, скот? Пока кучу не перетаскаешь – спать не ляжешь. А если я еще раз увижу, что ты, ирод, бездельничаешь, я тебя, без всякого ветеринара, своими руками перевоспитаю. Оторву тебе все смутьянство под корень. Ясно?

– Ясно, ясно, – простонал Гриша.

– А если ясно, то какого лешего ты разлегся? А ну встал бегом, и за работу!

После этих слов Грише был выдан стимулирующий пинок в бок и еще один по заднице, в качестве бонуса за расторопность. Находясь в состоянии клинической паники, растерянный, испуганный, доведенный до крайней степени отчаяния, Гриша, спотыкаясь, бросился к тележке, схватил ее, и стал изо всех сил доказывать, что второй шанс ему дали не зря. Надзиратель какое-то время стоял и наблюдал за его работой, затем бросил еще парочку угроз, и направился куда-то по своим делам.

Навозная эпопея завершилась примерно в полночь. Безоблачное небо засыпали мириады звезд, в центре повисла огромная Луна, залившая весь мир мертвенно-белым светом. В этом свете тощий, грязный, чуть живой от усталости и голода Гриша напоминал выходца с того

света. Рожая задом ежей против шерсти, он кое-как дотащил до места последнюю тележку, вывалил ее, и сам, обессилив, рухнул следом в результате своих же трудов. Грише уже было все равно, что его физиономия вошла в соприкосновение с навозом. Грише даже было все равно, что с ним будет завтра, и настанет ли оно вообще, это завтра. Сожалел он только об одном – что не уложился в срок и пропустил ужин. Единственное, что сейчас хотел Гриша, это порцию горячего наваристого отрыжника. Ради нее он был готов на все, даже умереть, если потребуется. И он решился.

Из последних сил воздвигнув себя на подкашивающиеся ноги, Гриша потащился к сараю, из которого осуществлялась раздача еды. Гриша готов был вломиться внутрь и сожрать все, что там найдется, а потом пускай уже делают с ним все, что хотят – сытому и помирать не страшно – но когда он обогнул одно из строений, то увидел возле раздаточной толпу мужиков. Это были все те же оборванцы, а в руках у них были все те же миски.

Едва не падая от полного бессилия, Гриша подбежал к окошечку и сунул в него алчущие руки. Но вместо миски с едой по этим рукам, судя по ощущениям, кто-то ударил палкой.

– Куда тянешь кульяпки, скот? – глухо прозвучало изнутри.

– Я успел! Успел! – бормотал Гриша, дуя на отбитые пальцы. – Я жрать хочу.

– Раздача окончена, – прозвучало из сарая. – Опоздал. Получаешь внеочередную порцию лечебного голодания.

Гриша собрался протестовать, но вовремя прикусил себе язык. Протесты в том месте, куда его занесла нелегкая, были не только бесполезны, но и опасны: за них били.

Гриша попытался выклянчить немножко еды у таких же бедолаг, как и он сам, но мужики в ответ на его просьбу поделиться с ним пайкой, смотрели на просителя с безграничным удивлением. Казалось, что Гриша просил у них не две ложки отрыжника, а интимных услуг по льготному тарифу. Никто даже не попытался поделиться с ним. Гриша остался голодным.

После ужина прозвучал звуковой сигнал, и все, в том числе и Гриша, потащились к большому, похожему на хлев, строению. Внутри оно тоже мало отличалось от обиталища скотины. На земляном полу была набросана грязная солома, и на этом перечень мебели заканчивался. Сквозь дыры в стенах можно было просунуть руку, сквозь дыры в потолке вести астрономические наблюдения. Только одна деталь указывала на то, что в этом хлеву обитают люди – большой телевизор, повешенный на одну из стен.

Оборванцы стали укладываться прямо на солому, иные падали на голую землю. Гриша, лишившись остатков сил, повалился там, где стоял и сомкнул глаза. Последней мыслью его было: вот бы завтра не проснуться!

Глава 5

Послышался скрежет, треск, затем в глаза Грише ударил нестерпимо яркий свет. Сгоряча он решил, что умер, и теперь его душа входит в рай, но тут над головой возникли уже знакомые лица – Льва Толстого, Ярославны и двух гоблинов.

– Лазарь, иди вон! – торжественно призвал Толстой, и ехидно ухмыльнулся.

Гриша, не сдерживая рыданий, кое-как выполз из гроба и как был, на четвереньках, побрел к выходу. Пронаблюдав за ним, Ярослава метнула на Толстого негодующий взгляд, и резко произнесла:

– Я же говорила – необходим хотя бы поверхностный инструктаж. Вы посмотрите на него – человек в глубоком шоке. От него не будет никакой пользы, если он сойдет с ума, а до этого, судя по его состоянию, осталось два-три сеанса.

– Не сгущайте краски, – отмахнулся от Ярославны Толстой. – Паренек крепкий, и не такое выдержит. Да, Григорий?

Гриша, размазывая по лицу гремячую смесь слез, слюны и соплей, сквозь рыдания промямлил:

– Можете меня хоть убить, хоть в турецкий бордель продать, но я туда ни за что не вернусь!

– А за миллион долларов? – змием-искусителем прошипел Толстой.

Гриша резко прекратил истерику. Все чудовищные воспоминания об ином мире мгновенно вынесло у него из головы одно единственное волшебное словосочетание – миллион долларов. Гриша забыл обо всем. То есть, вообще обо всем. Перед его глазами замаячил окруженный божественным ореолом кейс из крокодиловой кожи, под завязку набитый зелеными банкнотами. Гриша ощутил боль в груди, и понял, что это стрела амура пронзила его сердце. Это была любовь. На самом деле, он всегда любил только этот кейс, с самого своего рождения. Все прочие его интересы, такие как пиво, телки и игровые автоматы, были жалкими пустышками, имитаторами счастья, и лишь он один, миллион долларов США, мог вознести его на вершину блаженства, на Олимп наслаждения, на Эверест крутости и на Килиманджаро оргазма.

– Выполните свое задание, и миллион ваш, – сказал Толстой. – Мы не бедные и не жадные. Мало одного, заплатим два.

Гриша только-только успел свыкнуться с мыслью, что он отныне является обладателем миллиона долларов, как вдруг ему на голову свалился второй миллион. Парень застонал и схватился за сердце – оно готово было разорваться в груди от захлестнувшего его чувства безграничного счастья. Два миллиона долларов! Два! Дважды осуществившаяся заветная мечта!

Перед Гришиными глазами замелькали восхитительные картины его счастливого будущего, одна заманчивее другой. Он увидел себя на запредельно крутой вилле, отдыхающим в шезлонге у бассейна. По правую руку от него из земли торчала труба с краном – это был его персональный пивопровод, протянутый прямым с пивзавода. По левую руку стоял автомат, по желанию выдающий чипсы, сухарики, арахис или фисташки. Где-то между автоматом, дарующим вкуснятину, и левой рукой Гриши раскинула свои очаровательные формы Ярослава. Формы были прикрыты лишь символическим нескромным купальником. Девушка взидала на Гришу влюбленными глазами и была готова в любой момент воплотить в жизнь любую его сексуальную фантазию. За бассейном по газону на четвереньках ползал Лев Толстой и зубами подстригал травку. Откуда-то доносилось бодрое шуршание – это два драчливых гоблина надраивали высеченный из целого кристалла алмаза унитаз шефа своими зубными щетками. Над забором, огораживающим виллу, маячила голова Машки с круглыми и заплаканными от зависти глазами. Как же горько сожалела она, что бросила Гришу, как же сильно и больно кусала себе локти, колени, всю себя уже покусала. Все волосы повыдергивала она из головы при

одной мысли, что могла бы быть сейчас на месте Ярославны, а вместо этого вынуждена каждый день ходить на работу и самой себя обеспечивать. Откуда-то издали доносились истошные крики, полные боли и отчаяния – это нанятые за большие деньги садисты-извращенцы четвертый день объясняли тому козлу, к которому Машка убежала от Гриши, почему фунт лиха и за сколько паяльник в жопе. А когда Ярослава как бы между делом капризно сообщила, что ее старая машина (купленная ей три дня назад за сумму, равную десяти годовым бюджетам села Большие Кизяки) ей уже надоела, Гриша громко, чтобы Машка все слышала, пообещал купить ей новую машину, в два раза дороже, в три раза круче, и такую же красенькую. После его слов голова бывшей подруги исчезла за забором – Машка упала в завистливый обморок. Гриша, не останавливаясь на достигнутом, тут же пообещал Ярославе купить еще пять шуб (из уссурийского тигра, леопарда, снежного барса и прочих представителей семейства кошачьих, занесенных в «красную книгу»), три килограмма ювелирных украшений и оплатить еще одну операцию по увеличению груди до девятого размера. Из-за забора прозвучал предсмертный стон – Машка мучительно помирала от зависти. Гриша хотел окончательно добить предательницу, но тут кто-то стал трясти его за плечо, и дивное видение рассеялось. Подняв голову, Гриша увидел над собой Ярославну, но уже не в бикини.

– С вами все в порядке? – спросила Ярослава.

– За два миллиона долларов я штаны сниму и голой жопой на ежа сяду, – сказал ей Гриша. – И три дня с него не встану. Или четыре, если потребуется.

– За такое могут судить, – покачала головой девушка. – Жестокое обращение с животными – уголовное преступление.

Лев Толстой, довольно потирая ручонки, бодро спросил:

– Ну, так мы продолжаем?

– Продолжаем, продолжаем, – поднимаясь на ноги, обрадовал его Гриша. – Деньги готовы. Да за два миллиона долларов я штаны сниму, и делайте со мной, что хотите.

– Отлично! – возликовал Толстой. – Просто замечательно. У вас потрясающая совместимость с зеркальным двойником. Стопроцентное слияние.

– Не вижу поводов для радости, – нахмурившись, проронила Ярослава. – Мы едва сумели вернуть его обратно. При такой сильной совместимости возможен обрыв связи с телом.

– Зато он сможет находиться в параллельном измерении сколь угодно долго, а не как прочие операторы – по часу-полтора. Ни тебе помех, ни сбоев, полное подавление личности зеркального двойника.

– Там и подавлять нечего, – пробормотала Ярослава себе под нос.

Затем она обратилась к Грише:

– Вам надо поесть и отдохнуть. И я все же попытаюсь ввести вас в курс дела. Иначе вы долго не продержитесь. Да и у вас, наверное, накопилось множество вопросов.

– Есть парочка, – кивнул Гриша. – Во-первых, хочу узнать – нельзя ли мне часть денег выплатить в качестве аванса? Мне много не надо, сто тысяч баксов хватит. И еще вопрос: к вам сюда проститутки можно вызвать?

– Сожалею, но деньги вы получите только после выполнения вашего задания, – покачала головой Ярослава. – То же самое касается проститутки. Но если вы испытываете неодолимую потребность в женской ласке, могу предложить Галину. Вы ей, кажется, понравились.

– Не надо! – поспешно отказался Гриша. – Я потерплю.

Ярослава отвела Гришу в его новые апартаменты. Это была небольшая уютная комнатка с душем и санузелом. Глядя на широкую кровать с упругим матрасом, Гриша подумал, что спать на таком ложе в одиночестве, это почти преступление. К сожалению, в комнате не оказалось ни телевизора, ни компьютера. Гриша затосковал. Без своего любимого порнографического канала и фотографий голых девок из сети ему жизнь была не мила. Зато имелась книжная

полка, а на книжной полке стояли книги. Гриша глянул на эти книги, и по его телу побежали мурашки. Какие они все были толстые! Гриша как-то пробовал читать роман про зону и крутых уголовников, хороший такой роман, интересный, образчик литературы высшего сорта, но, помучившись два месяца, выдохся на двадцать третьей странице. В голову закралось подозрение, что его могут заставить читать книги. За два миллиона долларов Гриша был готов почти на все, но все же существовали границы, которые он не мог перейти. Он бы еще согласился на групповой однополый интим, но читать эти огромные тяжелые книги... нет уж, этого он сделать не мог – воспитание не позволяло.

– Здесь вы будете отдыхать между сеансами, – сказала Ярославна, имея в виду его комнату. – Как вам?

– А почему телевизора нет? – спросил Гриша.

– Это для вашего же блага. Информационный поток этого мира может сбивать вас с толку, поскольку будет диссонировать с информацией, почерпнутой вами в параллельной реальности. Нужно, чтобы нормы морали и нравственности параллельного мира стали вам понятны и близки, а телевизионные программы будут мешать этому.

– Мне бы только канал с жесткой эротикой, – слезно попросил Гриша.

– Простите, но нет, – отказала Ярославна.

– Тогда я тут со скуки подохну, – проворчал Гриша. – Ящика нет, компа нет, хотя бы журналы с голыми телками принесли.

– Журналов нет. Зато есть книги. Можете читать их.

Оправдались худшие Гришины ожидания – его пытались заставить учиться.

– Я лучше поскучаю, – ответил он, усаживаясь на кровать. – Ну, так что типа происходит? Куда вы меня, блин, засунули? Я в какую-то жопу страшную попал: меня за один день сорок раз избивали. А чем накормить пытались! Один раз какими-то помоями, а второй раз я вообще кормежку пропустил – навоз таскал. Навоз! Я! Таскал! Не для того меня мама на свет родила, чтобы навоз таскать. Что это вообще за место?

– Я вам уже говорила – это параллельная реальность, – ответила Ярославна, присаживаясь на кровать с ним рядом. Гриша страстно задышал и попытался обнять девушку. Девушка вытащила из кармана авторучку и спокойным голосом предупредила:

– Не уберешь руку – воткну в глаз.

Гриша руку убрал, даже более того – отсел подальше от Ярославны.

– То есть, это я попал в какой-то другой мир? – попытался внести ясность Гриша.

– Да.

– Но там меня били, а сейчас на мне ни царапины.

– Били не вас, били вашего зеркального двойника. Человека, который живет в том мире, который, как две капли воды, похож на вас и которого зовут так же, как вас. Мы внедрили в его тело ваше сознание, и вы управляли им. Но это не ваше тело, и все повреждения, полученные им, на вас никак не отразятся.

– Странно, – пробормотал Гриша задумчиво, – тело вроде бы чужое, а когда по роже бьют, больно так же, как по своей, родной. Что это вообще за место, и почему там с людьми обращаются, как с дерьмом?

– Это место – Российская Империя, а если конкретнее – имение помещика Орлова. Вы, вероятно, слышали о крепостном праве.

– О каком праве?

– О крепостном. В нашем мире оно было отменено более чем полтора столетия назад, но в той ветви реальности существует и поныне. Более того, за последние полтора века положение крепостных существенно изменилось. Если в нашей ветви реальности был взят курс на послабление помещичьего гнета, на ослабление, если хотите, гнета человека над человеком, то там все сделали с точностью до наоборот. Там в ответ на нарастающее недовольство угне-

тенного большинства власть не пошла на уступки, а, напротив, как это сейчас модно говорить – затянула гайки. Затянула так, что, похоже, сорвала резьбу. Эта была модель развития, предлагаемая так называемыми славянофилами, считавшими, что отличительные черты русского народа – долготерпение, смирение и покорность. На эти национальные черты и была сделана основная ставка. Их развивали, усиливали, отсекая все остальное, и в итоге получили то, что ты имеешь счастье наблюдать. Крепостных людей умышленно ввергли в скотство, довели до такого состояния, что они напрочь утратили все человеческие черты. Этому немало способствовали достижения науки, в частности – медицины. Вначале всех смутьянов, то есть тех, кто осмеливался возмущаться существующим порядком вещей, просто кастрировали, позднее стали применять лоботомию и электричество. А так как крепостных разделили по половому признаку и держали отдельно, давать потомство разрешалось только особям покорным и пассивным. Это называется искусственным отбором. Ты, вероятно, слышал о евгенике. Последователи этой науки предлагали улучшать человеческую породу, скрещивая высокоинтеллектуальных людей с людьми, наделенными выдающимися физическими данными. Здесь же мы наблюдаем обратную картину: глупых мужиков скрещивают со страшными бабами, получая в итоге русскую национальную идею – внешне похожего на переходное звено и столь же интеллектуально одаренного биоробота, лишённого собственной воли. Благодаря искусственному отбору, а так же небольшому сроку жизни крепостных, всего за сто пятьдесят лет правящему классу удалось вывести как бы новую породу людей – пассивных, недалеких, не способных на протест или борьбу, послушных во всем. В данное время лоботомия и электричество в отношении крепостных запрещены – они признаны бесчеловечными. Но кастрация, как крайняя мера воздействия на особо непокорных холопов, практикуется до сих пор. Так что мой тебе первый совет: не выступай там особо. Тебе-то, конечно, ничего не будет, но вот твоему зеркальному двойнику могут запросто устроить воспитательную стерилизацию.

– Стерилизацию, – повторил Гриша. – То есть, могут....

Договорить он не смог – язык не повернулся произнести вслух этот ужас.

– Могут яйца отрезать, – за него досказала Ярославна.

– Ножиком? – простонал Гриша, решивший, что изрядно продешевил, потребовав два миллиона.

– Это как повезет. Там есть три вида стерилизации. Хирургический – это когда ножиком. Механический – это когда молотком. И кинетический – это когда их отрывают при помощи специальной скоростной лебедки.

Гриша никогда не страдал богатым воображением, но даже его скудной фантазии хватило, чтобы истечь холодным потом.

– Послушание и покорность во всем – вот основной принцип, которым ты должен руководствоваться в том мире, – сказала Ярославна. – Ты должен забыть о чести, о чувстве собственного достоинства, о своей гордости, о том, что ты человек. Лучше всего представь, что это просто игра с такими вот своеобразными правилами.

– Блин, зачем лебедкой отрывать-то? – все еще переживая по поводу почерпнутой информации, пробормотал Гриша. – А молоток.... Какие звери! Куда милиция смотрит?

– Ты что, не слушаешь меня? – громко спросила Ярославна.

– Слушаю, – проворчал Гриша. – Что еще хорошего расскажешь?

– Кастрация, это не единственная мера воспитательного воздействия. Помимо этого крепостных секут плеткой, просто бьют, воспитывают палкой, доской, бревном или оглоблей, в зависимости от тяжести их вины. Помещают в задний проход раскаленную кочергу....

Гришины глаза полезли на лоб, который, в свою очередь, покрылся крупными каплями холодного пота.

– Если холоп гибнет во время воспитательной процедуры, никто не несет за это ответственности. Так же....

– Кочергу в задний проход... – прошептал Гриша, окончательно убедившийся, что изрядно продешевил.

– Раскаленную, – уточнила Ярославна. – Нагревают на огне, пока не покраснеет, и туда ее – чпок! Да ты не трясись, такое проделывают только за очень серьезные проступки. Если не будешь тупить, твой задний проход не испытает никаких новых ощущений. Теперь что касается непосредственно того имения, в котором ты будешь работать. Оно принадлежит помещику Орлову....

Ярославна раскрыла папку, и протянула Грише фотографию. Со снимка на Гришу глядело добродушное сытое лицо мужчины лет пятидесяти, с аккуратно подстриженной бородкой и честным взглядом.

– Помещик Орлов, вдовец, жена умерла лет пять назад. Детей двое. Сын его проживает в Тоскане, дочь обучается в институте благородных девиц в Петербурге.

Грише была предъявлена фотография сына, затем дочери. На дочери помещика Орлова Гриша свое внимание заострил. С фотографии на него смотрела очень симпатичная блондинка. Гриша тут же поселил ее на своей воображаемой вилле, где уже паслась Ярославна.

– Как звать? – спросил он.

– Ярославна, – напомнила Ярославна. – Я же представлялась. Или забыл?

– Да не тебя. Ее.

– Эту? Татьяна. Тут же написано. Кстати, она должна со дня на день вернуться в имение, так что, если сильно повезет, сможешь ее увидеть.

– Увидеть? – поморщился Гриша. – И это ты называешь везением? Повезет, это если я ей задую втихаря.

– Размечтался! – усмехнулась Ярославна. – Если ты только попробуешь к ней приблизиться, или если ты осмелишься с ней заговорить, тебе и лебедку устроят, и кочергу, и еще много всякого. Впрочем, тебе все же придется к ней приблизиться.

– С удовольствием! – заверил Гриша, незаметно пряча фотографию Татьяны под подушку. – Но как?

– Есть только один способ – стать дворовым человеком. Самое лучшее – лакеем.

– И как им стать?

– Нелегко. Только самые преданные из крепостных удостоиваются чести служить господам лично. Например, нынешний лакей барина Яшка совершил ради обретения своей должности настоящий подвиг. Заметив, что на пути прогуливающегося помещика возникла лужа, оставшаяся после недавнего дождика, он бросился к ней, и всю выпил, чтобы барин шел посуху. Вот какой ценой ему это далось. Я уже не говорю о том, что он каждое утро начищает барские сапоги собственным языком: мажет язык гуталином, и облизывает сапоги. А когда барин заболел гриппом, Яшка три дня простоял в церкви на коленях, ничего не евши и не пивши, а только молясь за здоровье любимого хозяина.

– Я, наверное, так не смогу, – признался Гриша.

– Я тебе и не предлагаю сапоги языком чистить. Но ведь у тебя есть то, чего нет у Яшки.

– Что?

– Мозги. Напряги их, и придумай способ попасть в число дворовых. Это необходимо сделать. У помещика часто бывают гости, кто-то из них может что-то знать о жезле и случайно проболтаться.

– Ладно, попробую, – вздохнул Гриша. – А вот еще вопрос – кто эти мордovorоты, что ходят с кнутами и всех бьют?

– Как ты уже понял, в том мире существуют помещики, которых очень мало, и крепостные, которых много. Но существует еще один социальный слой в этом бутерброде, а именно надзиратели. Их тоже не много, но для того, чтобы держать в узде пять-шесть сотен крепостных

хватит и дюжины хорошо обученных костоломов. Приказы они получают от барина, который контактирует со старшим надзирателем.

– А откуда они берутся?

– Надзирателей набирают из числа холопов еще в детском возрасте. Их отправляют на специальные курсы, откуда они возвращаются конченными садистами. Главная задача надзирателей – держать крепостных в постоянном страхе. С другой стороны страх им внушают служители культа, грозя геенной огненной за непослушание, смутьянство и прочие грехи. Крепостные не столько боятся кастрации, сколько гнева божьего. К тому же в производители отбирают лишь немногих, а всем остальным холопам что с яйцами, что без – никакой разницы.

– А почему они держат отдельно пацанов и телок? – спросил Гриша.

– Я же объясняла – это искусственный отбор. Пытаются улучшить холопскую породу, сделать ее еще более покорной и бесхребетной.

– И что, те, кого в производители не выбрали, они вообще сексом не занимаются?

Ярославна выразительно посмотрела на Гришу.

– Ты же их видел, – произнесла она. – Как думаешь, им вообще до секса? Да при таком образе жизни, то есть при двадцатичасовом рабочем дне и кормежке в виде помоев, они уже годам к двадцати превращаются в импотентов.

– Я так и знал! – прошептал Гриша. – Все врут, что курение и алкоголь к импотенции приводят. Неправда это. Работа – вот что к импотенции приводит. А алкоголь вообще полезен... Слушай, а можно мне бутылочку пивка, а? И сигарету.

– Здесь нет ни сигарет, ни алкоголя, – обрадовала его Ярославна. – И проституток тоже нет. Могу предложить лопуховый нектар и Галину.

– Тогда спокойной, блин, ночи, – проворчал Гриша, и отвернулся.

Ярославна ушла, пожелав ему сладких снов. Чуть позже заглянула Галина, занесла ужин. Гриша, едва она вошла, заперся в туалете, и крепко держал дверь. Затем, когда угроза полового акта миновала, он покушал и растянулся на кровати. Полежав немного, и подумав о своей непредсказуемой судьбе, Гриша вытащил из-под подушки фотографию Татьяны. Ярославна была хороша, но и Танечка ей не уступала. Гриша так и уснул с фотографией на груди, представляя себя в компании обеих девиц, вдруг резко влюбившихся в него до отсыревших трусиков.

Глава 6

– Подъем, животные!

Начался очередной будний день. Такой же точно будний, как и все остальные в этом мире, ибо холопы не знали выходных и праздников. То есть, праздники были, в основном религиозные, но на такие праздники полагалось пахать в три раза усерднее, с полной самоотдачей, дабы стараниями своими доставить радость отцу небесному и его уполномоченному наместнику на земле – барину. Помимо праздников имелись религиозные посты. Один пост плавно перетекал в другой, и так почти весь год, не оставляя ни малейшего шанса на разговение. Во время поста холопам запрещалось вкушать скоромную пищу, которую они, впрочем, и так никогда не видели в своих мисках. Всех крепостных круглый год кормили помоями, для которых придумывались разные названия, не меняющие суть содержимого.

Особым уважением среди крепостных пользовались травники. Это были холопы, которые питались одной травой. Травники считались великими праведниками, вот только жили почему-то недолго. Святой старец, во время своей очередной проповеди на затасканную тему «Стабильность – наше все, покорность – наше остальное» объяснил темному люду, что травников, как великих праведников, господь прибирает к себе пораньше, дабы те скорее оказались в раю. Люд поверил. Как всегда.

Перед тем, как идти на работы, холопам дозволялось с утра посмотреть телевизор в течение получаса. Гриша, разбуженный грозным окриком из динамика, почесываясь и ощущая непривычную ломоту во всем теле, тоже подполз к коллективу, дабы выяснить, чем живет большой мир.

На экране телевизора возникло приятное личико одетой в сарафан девицы. Бодро читая текст по берестяной грамоте, она распевно, яко былинщик знатный, заговорила:

– Здравствуй, бесправный люд. Это снова я, крепостная девка Параша, и в эфире передача «Доброе утро, холопы». Нынче в нашем выпуске. Послушание залог здоровья: наш корреспондент Федот с репортажем из исправительного центра для непокорных холопов. Мы не сеем и не жнем: интервью с помещиком Даниловым, объясняющим, почему холоп должен кормить барина. Слово пастыря: проповедь святого старца Маврикия о греховности инакомыслия. И, наконец, ваша любимая рубрика: порка на конюшне. В сегодняшнем выпуске в прямом эфире будет выпорот крепостной Селифан, за то, что подал барину не начищенные собственным языком сапоги.

Репортаж из исправительного центра для непокорных холопов поверг Гришу в состояние животного пессимизма. А он-то, глупец, считал, что это его реальность жестока и безнадежна. Как выяснилось, нет предела жестокости и безнадежности.

Камера выхватила из полумрака какое-то огромное помещение с закопченными стенами и низкими потолками. Все помещение было заставлено деревянными столами, сколоченными с таким расчетом, чтобы лежащий на них человек при малейшем движении вгонял в свое тело сразу три дюжины заноз, поскольку лежать приходилось голышом.

Непокорные холопы были привязаны к этим столам так, что не могли толком пошевелиться. Воспитатели, могучие костоломы с чудовищно невозмутимыми лицами, делали свое дело, не обращая внимания на съемочную группу. К каждому холопу в воспитательном центре был индивидуальный подход. Одного просто секли розгами, другого воспитывали березовой палкой. Кому-то выкручивали руки из суставов, кому-то ноги. Одного бедолагу ухватили огромными ржавыми щипцами за естество, сильно потянули, и стал он совсем неестественный. Затем показали женское отделение, где происходило примерно то же самое.

После шокирующего видео, состоялось интервью с помещиком Даниловым. Крепкий, лучащийся здоровьем мужик, явно за всю свою жизнь не поднявший ничего, тяжелее полной

ложки черной икры, скупое, без изящных оборотов речи, объяснил, что холоп должен кормить помещика по закону природы, ибо таковой порядок установлен свыше. Так было всегда, и так всегда будет, сказал Данилов. Все холопы низшие существа, и без господ сразу же пропадут пропадом, потому что не сумеют даже самых элементарных вещей. Холопы не могут сделать правильный выбор, они все время ошибаются. Вот для того, чтобы делать правильный выбор за них, и существуют господа – высшие существа.

После научного доклада помещик Данилов, в качестве анекдота, рассказал случай из своей жизни, конкретно о том, как он однажды обрюхатил дворовую девку, и, дабы не плодить ублюдков, выгнал ее голую на лед замерзшей реки, а затем велел облить водой из ведер.

На фоне всех этих ужасов слово пастыря Гриша воспринял почти равнодушно. Слушая широколицего, лоснящегося жиром, и явно не соблюдающего ни один пост святого старца Маврикия, проповедующего смирение и послушание, Гриша почти не воспринимал слов служителя культа. Он пребывал в состоянии хронической растерянности, и уже совершенно не понимал, где он и кто он.

Вслед за наставлениями святого старца, настолько жирного, что он даже дышал с большим трудом, началась любимое ток-шоу бесправных холопов – порка на конюшне. В это утро участником шоу оказался крепостной Селифан, имевший глупость подать барину плохо начищенные сапоги. Бедняга, весь запуганный и, судя по нездоровому виду, долго постившийся одной водой, был приведен в студию, декорированную под конюшню. Вот только в стойлах, где полагалось быть лошадям, сидели на трибунах зрители и хлопали в ладоши тогда, когда им приказывали.

Театрализованное представление продолжалось недолго. Вначале Селифана яростно стыдили, обвиняли во всех смертных грехах, напомнили, что даже Библия учит всякого раба беспрекословно повиноваться своему господину. Припугнули адом и чертями, но Селифан, на чьем лице застыло выражение обреченности и готовности к чему угодно, воспринял угрозу почти равнодушно. Кажется, он даже был рад скорее попасть в лапы к чертям, лишь бы при этом вырваться из лап набожных и добрых господ, исправно посещающих церкви и делающих большие пожертвования на строительство храмов.

Отругав Селифана и выставив его чуть ли не врагом родины, ведущий и его помощники приступили к делу: Селифана уложили на скамью, привязали к ней, после чего начали лупить вожжами по голой спине в четыре руки. Селифан истошно орал, холопы, с которыми Гриша делил кров, азартно заорали и замахали руками, требуя сечь подлеца до смерти. Один даже плюнул в телевизор, возмущенный поступком Селифана.

– Так его! Так! – одобрительно гудели холопы. – Секите ирода! Еще ему! Еще!

Селифан вдруг громко взвыл, а затем его голова безвольно упала на лавку. Тело перестало вздрагивать всякий раз, когда по нему проходились окровавленные вожжи. Кровь холопа текла по его рассеченной до мяса спине, лилась на пол студии, брызгала на одежду и лица ведущих. Больше Селифан не издал ни звука и не пошевелился. Когда прозвучал звуковой сигнал, означающий окончание времени экзекуции, Селифана осмотрел ветеринар, и счастливым голосом объявил, что бедолага помер.

– Так ему и надо! – гневно процедил один из холопов рядом с Гришей. – Это же надо – барину грязные сапоги подать! Да я за такое злодейство отца родного заporол бы.

– А то! – поддержал его второй. – Разве же можно барину да грязные сапоги подать? Аль креста на нем нет?

– Нехристь! Православный так бы не сделал. Православный бы умер, а сапоги господские начистил. Вот, брат мой старшой, так тот себя-то не жалел. Так и говорил всегда – мне на барина работать высшее наслаждение. Все по десять кирпичей носили, а он на себя двадцать нагружал. Не могу, говорит, меньше брать, совесть не позволяет. Сорвал себе спину – вот как работают-то! Два дня лежал, встать не мог, так сам барин его судьбой заинтересовался. Послал

узнать человека, что с ним. А как узнал, что спину сорвал, так, говорят, даже всплакнул – вот те крест! Огорчился ужасно, вот что значит по-христиански трудиться, на совесть. Что даже господу по тебе плакать будут. Барин тоже плакал. Так со слезами на очах и молвил – оттащите его к рытвинке, на заслуженный отдых. А когда брата тащили, у него лицо такое чистое было, ясное, глаза светлые, и в небо смотрел. Сказал – честно на земле на господина трудился, теперь в раю отдохну. А этот, – холоп зло кивнул на экран телевизора, – разве в рай попадет? Сапоги барские, и те начистить не сумел. В аду ему гореть за это!

– Во дебилы! – потрясенно простонал Гриша, нехотя поднимаясь на ноги. Впереди ждал еще один день, наполненный трудами праведными.

Утренний просмотр телевизора завершился, начался рабочий день. Все холопы вышли и построились у своего барака в две шеренги. Появился староста – крепкий и явно пренебрегающий постом мужик с натруженными кулаками. За ним следом шли четверо крепышей с дубинками.

– Слушать сюда, животные! – заорал староста жирным сытым голосом. – Завтра к нашему благодетелю приезжает любимая доченька из Петербурга, так что после утренней кормежки все на благоустройство территории. Все лужи высушить, всю грязь песком засыпать, все строения покрасить. Так, вы, двое, – палец старосты указал вначале на Гришу, а затем на стоящего рядом с ним мужика – бородатого, грязного и ужасающе вонючего, – вам особое задание. Там куча навоза есть, ее вчера зачем-то с прежнего места перетащили. Чтоб сегодня ее обратно убрали, нечего ей на виду лежать. Ясно?

– Ясно, – хором ответили Гриша и его напарник.

Завтрак оказался питательным, полезным и вкусным. Когда Грише выдали миску, на четверть наполненную обычной водой, он решил, что над ним прикалываются. Но заметив, что остальные холопы получили то же самое, успокоился и смирился.

– Тебя как звать? – спросил Гриша, когда они вместе с напарником направились к своему рабочему месту.

– Тит, – ответил напарник, и тут же сотворил задом дивную симфонию.

– Тит? – переспросил Гриша. – Который конем сзади пробит? Или который недержанием знаменит?

Напарник вместо ответа еще разок громыхнул шоколадным оком.

Гриша уже догадался, что местный контингент отличается непрошибаемой тупостью, но он решил запастись терпением. Никто не говорил, что два миллиона долларов достанутся ему даром. Их придется отработать. И если для этого потребуются таскать навоз в компании тупого Тита, имеющего привычку вытирать задницу ладошкой, а ладошку о бороду, он будет это делать.

– Тит, ты в бане когда последний раз был? – спросил Гриша, вручая мужику вилы. От напарника несло как от огромной потной кучи фекалий. Вся его одежда была покрыта пятнами, притом преимущественно это были пятна, оставленные экскрементами и мочой. Борода у Тита слиплась, во рту маячили четыре гнилых зуба.

– Ась? – переспросил Тит. Как позже узнал Гриша, Тит был туговат на оба уха, ибо однажды подвергся воспитанию поленом. Тит совершил страшное преступление – будучи отправленным за яблоками в господский сад, он пренебрег трудом, и заснул под деревом. Тита начали воспитывать с разбега, не дожидаясь пробуждения. Лупили впятером, и у каждого в руках было полено. С тех пор Тит плохо слышал и страдал непроизвольной дефекацией. Впрочем, страдал не столько сам Тит, сколько люди, его окружавшие. Титу же, похоже, было все равно, что он делает и что делают с ним. Но на тот момент Гриша всего этого не знал, поэтому, когда напарник помочился, не снимая штанов, он с возмущением спросил у него:

– Тит, ты что, идиот?

– Важно! – раскатисто протянул Тит, и начал наваливать навоз в тележку.

– Ты зачем в штаны налил? – не унимался Гриша, все еще пытающийся понять здешние реалии. Он рассчитывал порасспросить Тита о тутошних порядках, но, как оказалось, информатор из бородатого неряхи был никакой. Словарный запас Тита насчитывал примерно полтора десятка слов, но даже эти слова Тит, чаще всего, произносил ни к селу, ни к городу. Гриша осторожно, дабы ненароком не проколоться, стал расспрашивать мужика о порядках, заведенных в имении, о том, как живут господа, и видел ли он барина. Говорил Гриша на русском языке, вопросы свои формулировал ясно и доступно, и все же они, по каким-то причинам, не могли дойти до мозга Тита, а если и доходили, то не могли до него достучаться. На все вопросы Тит отвечал одно и то же.

– Важно! – говорил он.

– Ужель не православные? – говорил он.

Когда Гриша прямо спросил, о чем его собеседник мечтает в жизни, Тит долго думал (то есть просто тупо стоял и молчал, а думал или нет – большой вопрос), а затем ответил громко и решительно, вот только не тем местом, каким обычно отвечают на заданные вопросы.

За два часа содержательной беседы Гриша был готов убить Тита голыми руками. На жизненном пути ему встречались удивительные тормоза, настоящие шедевры природы в плане тупости. Чего только стоил друг Вася из соседнего дома – само воплощение тупости. Он даже умер тупо – был затоптан насмерть в магазине электроники в канун Нового года, когда пытался купить телевизор с сорокапроцентной скидкой. А армейский старшина – прапорщик Думба, мог без проблем взять главный приз на всемирном конкурсе «Тупица года». Но все эти люди казались гениями в сравнении с Титом. Тит был сама тупость, тупость дубовая, стоеросовая и несокрушимая. В его мутных карих глазах было пусто, как в Гришином кармане, если бы мир знал о существовании Тита, анекдоты про недалеких блондинок навсегда утратили бы свою актуальность.

– Тит, тут всегда так дерьмово кормят? – спросил Гриша, стоя в сторонке, и не мешая мужику трудиться. Гриша сразу решил, что сегодня Тит работает один, да и грязнуля, к тому же, не возражал. Он сам наваливал навоз в тележку, сам отвозил его и вываливал на нужное место. Гриша ходил следом за мужиком и пытался добиться от него ответа хотя бы на один простой вопрос.

– Поснедать бы важно, – протянул Тит, поднимая за ручки наполненную тележку.

– Я тебя спрашиваю – тут всегда так кормят, или бывает иначе? – скрипя зубами от злости, повторил вопрос Гриша.

Ничего не ответив, Тит потащил тележку в путь. Гриша с ненавистью уставился в его костлявую спорбленную спину, и понял, что от этого человека он не добьется ничего. Тит был туп до крайней степени. Если бы он отупел еще чуть-чуть, то превратился бы дубовый пень.

До обеда Гриша самоотверженно бил баклуши. Тит работал без перекуров и отдыха. Глядя на него, Гриша уже было решил, что и крепостным можно жить, не надрываясь, но как только явился надзиратель, осмотреть работу и отправить их на обед, Тит преподнес сюрприз. Едва мордovorот с дубиной на плече подошел к ним, Тит шагнул к нему навстречу, отвесил глубокий поклон с выбросом руки, и рубанул всю правду-матку.

– Гришка холоп не трудился, – сообщил Тит надзирателю. – Сиднем сидел. Не по-христиански это. Ужель не православные?

Надзиратель метнул на Гришу страшный взгляд. Гриша же, вместо того, чтобы начать оправдываться и обвинить Тита в клевете, буквально онемел от такого демонстративного качества. В этот момент ему открылась еще одна реальия этого мира – никакой солидарности между холопами не существовало.

– Так ты на барина работать не хочешь? – спросил у Гриши надзиратель, подходя к нему и поигрывая дубиной.

Гриша понял, что время для оправданий упущено, и выдавил из себя первое, что пришло в голову:

– Не по своей воле от работы отлынивал. Бес попутал.

– Ясно, – кивнул здоровяк. – Ну, пойдем, гнида ленивая, будем из тебя беса изгонять.

Сеанс экзорцизма Гриша пережил стойчески, наверное, потому, что били слабее, чем вчера. Его привели в воспитательный сарай и отлупили палкой так, что он под конец экзекуции обмочился и обосрался. Затем последовала разъяснительная беседа, в ходе которой Грише было заявлено, что он отныне первый кандидат на поездку к ветеринару.

– Много в тебе смутьянства сидит, – покачал головой один из надзирателей, и ударил Гришу по спине палкой. – Бунтуешь. Против барина бунтуешь, против бога бунтуешь. Аль тебе живется плохо, скотина ты неблагодарная?

– Хорошо живется, – прохрипел Гриша с пола. – Слава богу – здоров, сыт, работой не обижен.

– Вот то-то же, – кивнул надзиратель, и пробил Грише с ноги в бок. – Скотина ты неблагодарная, не ценишь барской доброты. Вот у помещика Денисова, у соседа нашего, всех крепостных поголовно в шестнадцать лет оскопляют. За смутьянство руки ломают, головы дубинами разбивают, и не кочергу в зад вставляют, как вам, неженкам, а лом. Вы тут жрете от пуза, зажрались уже, а у него холопы землю жрут, камни глодают, травы клоч за лакомство почитают. Наш же барин добрый, разбаловал вас. На шею ему скоро сядете. Эх, была бы моя воля, я бы вам всем уды поотрывал голыми руками.

– Уши? – переспросил Гриша с пола.

– И уши тоже. На! На! На!

После третьего «на» Гриша был пинком выпровожен наружу и, пошатываясь, направился кормиться. У сарая, из которого происходила раздача еды, уже собралась толпа неблагодарных зажавшихся мерзавцев, не умеющих оценить доброту и щедрость их благодетеля. Все были изнурены тяжким трудом – по случаю прибытия в имение господской дочки все пахали с полнейшей самоотдачей. Кто не отдавался работе полностью, того вразумляли палками и кнутами.

Гриша, не торопясь занимать очередь, сразу направился к Титу. Несмотря ни на что, выходка тупого мужика взбесила его.

– Ты что, урод, стукач местный? – спросил он, вплотную приблизившись к зловонному напарнику.

– Ась? – переспросил Тит.

– Зачем ты, свинья, рассказал садистам, что я не работал? Ты что, думаешь, тебя за это к бабам пустят? Хрен тебя пустят! Таких лохов, как ты, на племя не пускают.

Тит с трудом, но все же понял, в чем состоит суть обращенных к нему претензий.

– Господь учит барина своего, как отца родного, любить и себя не жалея на него работать, – наставительно сказал он. – Кто в этой жизни на барина будет трудиться честно, того после смерти господь в рай допустит.

– Ну, считай, ты уже в раю, – обрадовал мужика Гриша, и пробил ему короткий, но сильный удар по печени. И вновь Тит удивил его, поведя себя совершенно нетипично. Гриша видел, как надзиратели били холопов, и те сносили все это молча, даже не пытались увернуться или закрыться от ударов. Но когда он ударил Тита, тот вдруг завопил на все имение, повалился на землю, и стал самым подлым образом симулировать предсмертные конвульсии, кривляясь на уровне профессионального футболиста. Через мгновение, растолкав холопов, к месту происшествия прибыли двое в штатском и с дубинами.

– Чего орешь? – спросил один из них у растянувшегося на земле Тита.

– Спасите! Помогите! Христом-богом заклинаю! – скороговоркой блажил Тит. – Живота лишают, смертным боем бьют.

– Кто тебя бьет, скотина?

– Он! Гришка холоп.

Две пары недобрых глаз сфокусировались на Грише. Грише стало дурно.

– Я его пальцем не тронул! – закричал он.

– Не ври, окаянный! – вдруг подал голос сгорбленный мужик с оторванным ухом. Ухо ему, как позже узнал Гриша, откусила хозяйская собака. – Богом клянусь, ударил он его. Смертным боем бил.

– Ну что с тобой делать? – спросил у Гриши один из надзирателей. – Похоже, смутьян ты неисправимый. К ветеринару сегодня поздно, а завтра у него выходной. А завтра дочка к барину приезжает. Не дай бог ты, животное, что-нибудь при ней учудишь. Придется своими силами тебе бунтарство укротить.

Напрасно Гриша заверял, что он уже исправился, что он совсем не бунтарь, и все произошедшее является чистой водой недоразумением. Его не слушали. Крепыши притащили его обратно в воспитательный сарай, стащили с него штаны, после чего один из них взял в руки кожаный ремень, а второй указал на деревянную колоду, и приказал:

– Вставай на колени, хозяйство клади на чурбан. Живо!

– Да вы чего? – бледнея, простонал Гриша. – Мужики, да хорош, а? Пошутили, и ладно.

Но мужики, как выяснилось, не шутили. Один из них взял с полки дубину, усеянную железными шипами, и предупредил:

– Или делай то, что сказали, или я тебе башку разобью.

Тут Гриша понял, что и это не шутка. Костолом не бравировал и не бросал на ветер пустые угрозы. Он не угрожал, он предупреждал. Ничто не помешает ему разбить холопу голову, и ничего ему за это не будет.

Трясаясь крупной дрожью, Гриша опустился на колени и положил на плаху свое мужское достоинство. Тот факт, что это все же не совсем его достоинство, а достоинство его зеркального двойника, мало утешил Гришу. Как бы то ни было, но все замечательные ощущения придется пережить именно ему. Садист сделал замах, кожаный ремень свистнул в воздухе, после чего у Гриши потемнело в глазах, и он повалился на пол, зайдясь истошным криком.

Обед он пропустил по понятным причинам, и когда смог встать на ноги, был отправлен на новое место работы – облагораживать дорогу, ведущую к имению. Чуть живого Гришу привел к дороге один из надзирателей и перепоручил новому напарнику – крепышу Спиридону. Их задача заключалась в том, чтобы брать сваленные кучей большие камни, таскать их к дороге и выкладывать вдоль обочины, дабы было красиво. Спиридон – тощий хромоногий мужик неопределенного возраста, сгорбленный, весь покрытый синяками и ссадинами, схватил камень весом в три пуда, не меньше, и, хрипя от натуги, потащил его к дороге. Гриша, как только надзиратель удалился, присел на обочину и, приспустив штаны, осмотрел свое хозяйство. Хозяйству досталось. Оно опухло, посинело и жутко болело, но Гриша радовался уже тому обстоятельству, что все вроде бы осталось на месте.

Дотаскив камень и водрузив его на место, Спиридон, пошатываясь, подошел к Грише и сказал:

– Негоже сиднем сидеть. Бог накажет.

– Пошел ты! – со слезами на глазах простонал Гриша. Ему и сидеть-то было больно, а тут надлежало таскать огромные камни.

– Святой старец Маврикий молвил, что не работать на барина грех великий, – просветил Гришу Спиридон.

Гриша с ненавистью покосился на очередного Тита. Тупость окружающих начала его утомлять. Грише впервые в жизни захотелось пообщаться с умным человеком.

– Слышь, ты, Спиридон – штопаный пардон. Что ты доебался? Если хочешь – иди и работай.

– А ты как же?

– А я посижу и отдохну.

Спиридон быстро замотал головой, прямо как осел, и скороговоркой забормотал:

– Да разве ж так можно? Аль креста на тебе нет? Как же это – сидеть? Как на барина не работать? Нет, нельзя так. Пойду, расскажу все.

И, в самом деле, мужик наострил лыжи в сторону барачков, намереваясь сдать надзирателям своего ленивого напарника. Гриша, преодолевая боль, поднялся на ноги, и с отвращением крикнул:

– Ладно, ладно, пошутил я. Пойдем, поработаем, блин по-нашему, по-христиански.

Сказать по правде, по-христиански работал один Спиридон. Гриша выбирал камни полегче, носил их медленно и долго отдыхал между рейсами. Что касается Спиридона, то мужик буквально загонял себя в могилу. Он хватал огромные валуны, и, надрываясь, почти бегом тащил их к дороге. Один раз, с невероятным трудом оторвав от земли неподъемный булыжник, Спиридон мощно обделался от натуги, пронес камень три шага и упал вместе с ним. Гриша с небольшим камешком в руках подошел к растянувшемуся на земле холопу, и злорадно сказал:

– Ай-ай, как нехорошо. Как не по-христиански. Что святой старец Маврикий базарил, а? Работать надо, лох! А ты развалился тут, как на пляже. Пойду, наверное, сдам тебя садистам. Пускай они тебе, лентяю, кочергу в жопу вставят. И два раза провернут.

Спиридон принял это глумление за чистую монету. Он кое-как поднялся на ноги, снова схватил этот камень, протащил его метров пять, а затем снова упал и больше не встал. Гриша подошел к нему и легонько пихнул напарника ногой в бок.

– Эй, пауэрлифтер, ты чего? – спросил Гриша.

Спиридон лежал на боку и надрывно дышал. Рот его был широко открыт, глаза дико выпучены. Гришу одолело беспокойство. Он присел на корточки возле мужика, и ласково спросил:

– Спиридон, ты как? Встать сможешь?

– Мочи нету... – чуть слышно прошептал Спиридон.

– Я пойду, позову кого-нибудь. Тебе в больничку надо.

– Не надо звать! – зашептал Спиридон, чьи глаза округлились от ужаса.

– Да ладно, не бойся. Я мигом. Пускай тебя к доктору свозят.

– К ветеринару? – пропищал Спиридон, пуская слезу.

– Да, к нему. Он тебя полечит. Будешь как новенький.

И Гриша побежал к барачкам, отыскивая глазами кого-нибудь из надзирателей. Садистов он отыскал у столового сарая. Те развлекались весьма оригинальным способом – на спор выясняли, может ли человек съесть кучу дерьма. В качестве подопытного избрали Макара – молодого парня, который, как позднее выяснил Гриша, был одержим бабами. Однажды он даже пытался залезть на женскую территорию, что находилась за высоким забором. Макара поймали и сломали ему ногу. С тех пор Макар хромал. Но тяга к прекрасному в нем не улеглась, и вот надзиратели, посмеиваясь, пообещали ему свидание с одной из девок, если он сумеет умять весьма солидную кучу свежего дерьма. Макар ни секунды не колебался. Он набросился на кучу и стал пожирать ее с таким азартом, будто дорвался до восхитительного деликатеса. Гриша подошел как раз в тот момент, когда Макар слизывал с земли последние капли кушанья.

– Ну, видишь – сожрал! – закричал один из надзирателей другому. – Гони червонец! Преспорил.

– Мы спорили, что человек не сможет кучу дерьма съесть, – заворчал проигравший. – О холопах речи не шло. Холопы не люди.

– Давай червонец! Все тут честно.

– Други, мне бы девку румяную, – вытирая коричневые губы рукавом, напомнил довольный Макар. – Заслужил.

Надзиратели, глянув на него, покатались со смеху.

– Иди работать, говноед! – прикрикнул на него один. – Наелся досыта, еще ему и девку подавай. Обнаглел.

– Обещали же... – тоном обманутого ребенка, пробормотал Макар.

– Перечить вздумал? – заорал на него надзиратель. – Да ты смутьян! А ну иди работать, скотина тупая, не то я тебя палкой....

Макар сорвался с места и, сильно хромя, побежал прочь. Гриша кашлянул, привлекая к себе внимание надзирателей.

– А, опять ты? – проворчал тот изверг, что отбил Грише все хозяйство. – Опять от работы отлыниваешь. Похоже, придется тебе уд отрезать.

– Я не отлыниваю, – поспешил все объяснить Гриша, пока садисты сгоряча не сделали чего-нибудь непоправимое. – Там Спиридон заболел.

– Как это – заболел?

– Не знаю, я же не врач. Лежит на земле, встать не может.

– Ну-ка пойдем, посмотрим на этого симулянта.

Вместе с двумя надзирателями Гриша вернулся к напарнику. Спиридон лежал там же, где Гриша его оставил, даже в той же позе. Покрытое пылью лицо мужика побледнело, глаза смотрели обреченно. Один из надзирателей, для проверки, сильно ударил Спиридона палкой, но тот лишь негромко хрюкнул. Садисты нахмурились, затем один из них сказал:

– Отбегался Спиридон. Отработался. Пора и на заслуженный отдых. Эй, ты, – обратился он к Грише, – приведи сюда любого холопа. Живо!

Гриша бегом помчался к баракам, и, так вышло, что первым он натолкнулся на ненавистного Тита. Мужика он уже конкретно ненавидел, но все же позвал его с собой – надзиратели ведь сказали ему живо. Тит не прекословил, потрусил следом, а Гриша, которого меньше всего заботила судьба Спиридона, думал о том, как бы поизящнее и без последствий отомстить зловонному стукачу.

Глава 7

Когда Гриша с Титом прибыли к дороге, Спиридон лежал уже на спине, а левую половину его лица обезобразила огромная свежая гематома. Один из надзирателей, хихикая, повторял:

– Видал, как я пробил? Видал?

– Да я еще лучше могу, – отмахнулся второй. – Так, – обратился он к прибывшим холопам, – вы, двое. Взяли этого за ноги и тащите за мной.

Тит тут же исполнил приказ – наклонился, хватил ногу Спиридона, и приготовился волоочь мужика по земле. Гриша, несмотря на все безразличие к судьбе очередного тупицы, все же не смог равнодушно пережить очередное столкновение с бесчеловечностью.

– Подождите, мы что, так его, волоком, и попруем? – спросил он.

– Да, так и попруете, – ответил надзиратель.

– Ему же плохо. Его в больничку надо.

– Куда его надо? – не понял надзиратель.

– Ну, к ветеринару, или как это у вас называется.

Надзиратели переглянулись и дружно заржали.

– Этому уже ветеринар не нужен, – ответил один из них, и легонько стукнул Гришу палкой по голове, чтобы не задавал слишком много вопросов. – Ему еще в позапрошлом году Фома яйца секатором отрезал.

– За что? – рискнул спросить Гриша, потирая ушибленную голову. Спросил не праздного любопытства ради, а на всякий случай, чтобы знать, за что тут могут секатором стерилизовать, и никогда такого не делать.

– Да просто так. Бражки перепил, вот и потянуло порезвиться. Все, хватит болтать, скоты грязные. Взяли этого, и потащили.

Делать нечего. Гриша впрягся во вторую ногу Спиридона, и они с Титом поволокли мужика прямо по полю, по всем кочкам и ухабам, в противоположную от имения сторону. Надзиратели шли впереди и вели немудреную беседу. Гриша наострил уши, и тут же понял, что разговор идет о бабах. В отличие от простых холопов, надзиратели имели открытый доступ на женскую территорию и активно пользовались этой своей привилегией.

Крепостные бабы, как позднее выяснил Гриша, мало чем отличались от крепостных мужиков. Все отличия заключались исключительно в анатомическом строении тела, не более. Во всем остальном образ жизни и те и другие вели схожий: пахали, как проклятые, по двадцать часов в день и питались отбросами. Как и мужики, не все бабы допускались к спариванию – отбирали наиболее покладистых и тупых. Впрочем, симпатичные молодые девки, приглянувшиеся надзирателям, все же имели определенные привилегии. Их никогда не ставили на тяжелые работы, давали вволю спать, сносно кормили и всегда, перед визитом в казармы надзирателей, водили в баню. Своим любимицам надзиратели даже дарили кое-что из одежды, приносили немислимое для холопов лакомство – заплесневелый хлеб, и вообще всячески баловали. Впрочем, надзирателям разрешалось баловать только с теми бабами, что не были отобранными на роль производительниц потомства. Если же подружка надзирателя залетала от него, то после родов надзиратель забирал у нее ребенка и закапывал его в поле – дабы удобрение не пропадало. Что же касалось дурнушек, не приглянувшихся надзирателям и не пошедшим на племя, то им о сексе не приходилось и мечтать. Как вскоре выяснил Гриша, подобная ситуация вовсе не способствовала эпидемии гомосексуализма среди холопов – страх перед божьей карой за непотребные деяния был слишком силен. Холопы, с которыми Гриша делил барак, были всерьез убеждены, что стоит им заняться рукоблудием, как явится Илья пророк и испелит молниями их окаянные отростки. Гриша, выслушав эту басню, пришел к выводу, что по

мозгам крепостных Илья пророк уже прошелся электрической дугой изрядной мощности, так что сжег все нейроны до последнего.

У каждого надзирателя была своя любимица, что, впрочем, не мешало им драть и других холопок. Судя по всему, каждый вечер в казарме устраивались настоящие оргии. Об одном из таких мероприятий надзиратели, бредущие впереди, и завели беседу. Гриша слушал и завидовал – описывались вещи приятные и заманчивые, близкие его сердцу. А когда прозвучало волшебное слово «групповуха» Гриша даже пустил слезу – ему до тесноты в штанах хотелось пробраться в казармы и тоже поучаствовать. Украдкой он покосился на Тита, но тупоумный мужик слушал заманчивые рассказы с пугающим равнодушием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.